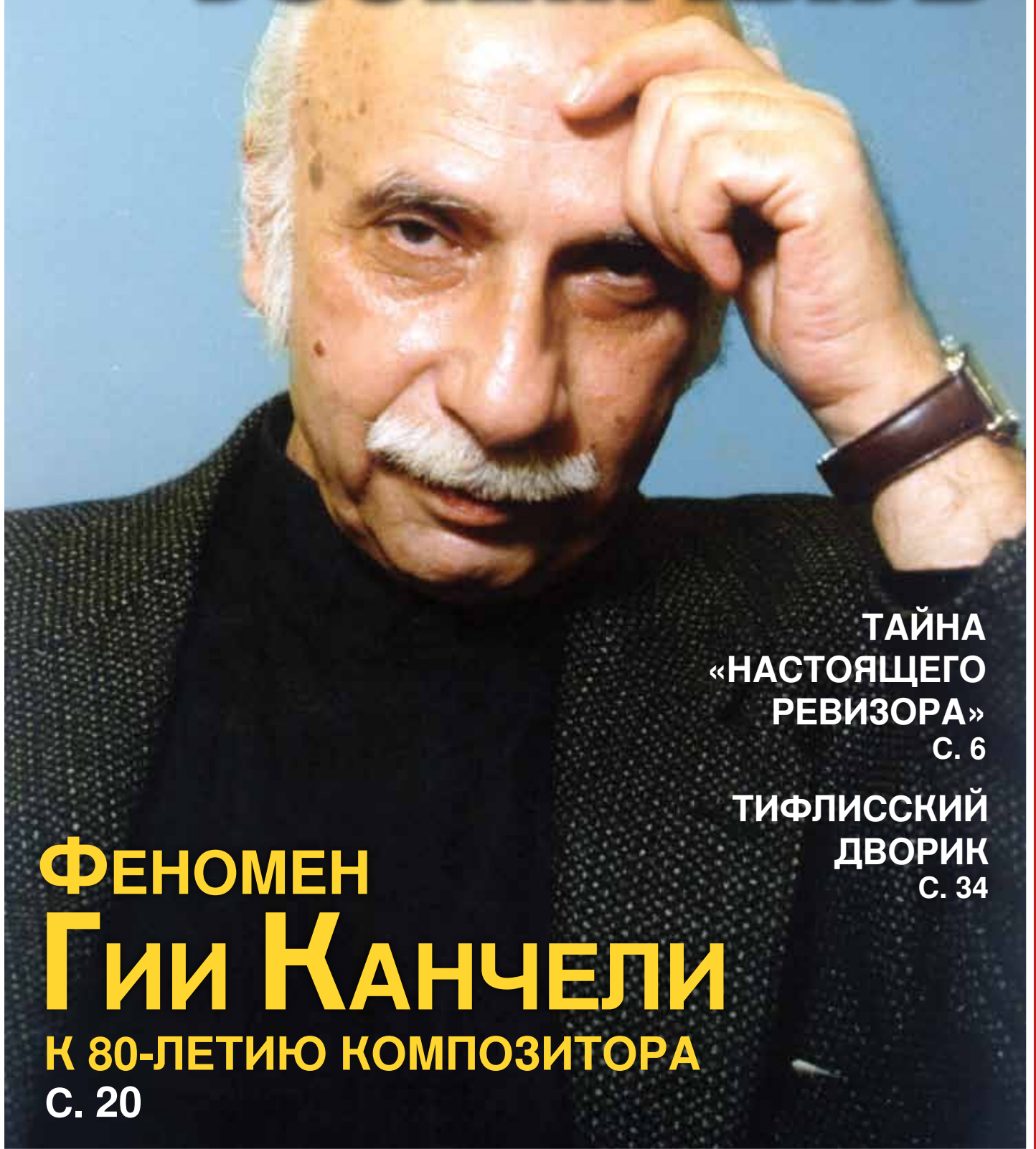

№8
Август 2015

РУССКИЙ КЛУБ

**ТАЙНА
«НАСТОЯЩЕГО
РЕВИЗОРА»
С. 6**

**ТИФЛИССКИЙ
ДВОРИК
С. 34**

**ФЕНОМЕН
Гии Канчели
К 80-ЛЕТИЮ КОМПОЗИТОРА
С. 20**

Мир без преград

8 (800) 200-77-99

звонок по России бесплатный

www.vtb.ru

ОАО Банк ВТБ. Генеральная лицензия Банка России № 1000

РЕДАКЦИЯ

Грузия 0105, Тбилиси, пр. Руставели, 2
тел./факс: (995 32) 293-43-36
E-mail: rusculture@mail.ru
www.rcmagazine.ge
www.russianclub.ge

Главный редактор
Александр СВАТИКОВ

Заместитель главного редактора
Арсен ЕРЕМЯН

Корректор
Марина МАМАЦАШВИЛИ

Редакционная коллегия:
Вера ЦЕРЕТЕЛИ
Алла БЕЖЕНЦЕВА
Донара КАНДЕЛАКИ
Нина ЗАРДАЛИШВИЛИ-ШАДУРИ
Владимир ГОЛОВИН
Инна БЕЗИРГАНОВА

Дизайн и верстка
Давид ЭЛБАКИДЗЕ-МАЧАВАРИАНИ

Допечатная подготовка
Алена ДЕНЯГА

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА «РУССКИЙ КЛУБ»

Грузия
ЗУРАБ АБАШИДЗЕ
ВАЖА АЗАРАШВИЛИ
НАНИ БРЕГВАДЗЕ
ГУДЖА БУБУТЕИШВИЛИ
ГОГИ КАВТАРАДЗЕ
РОИН МЕТРЕВЕЛИ
ИРМА СОХАДЗЕ
ГУЛБАТ ТОРАДЗЕ
ДЖАНСУГ ЧАРКВИАНИ

Армения
КАРИНЭ ХАЛАТОВА

Беларусь
ВАЛЕНТИНА ПОЛИКАНИНА

Великобритания
КНЯЗЬ НИКИТА ЛОБАНОВ-РОСТОВСКИЙ

Израиль
ДАВИД МАРКИШ

Россия
ЗАУР КВИЖИНАДЗЕ
АЛЕКСАНДР ЭБАНОИДЗЕ
ЕЛЕН ДОРИС

США
АЛЕКСЕЙ ЦВЕТКОВ

Франция
ГРАФ ПЕТР ШЕРЕМЕТЕВ

© ПРИ ПЕРЕПЕЧАТКЕ ССЫЛКА НА
«РУССКИЙ КЛУБ» ОБЯЗАТЕЛЬНА

В ТОРГОВУЮ СЕТЬ ЖУРНАЛ НЕ ПОСТУПАЕТ

ISSN 1512-2972

UDS: 008.1(47922:470)
С-24

РУССКИЙ КЛУБ

№8⁽¹¹⁸⁾
Август 2015

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ
МЕЖДУНАРОДНЫЙ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ СОЮЗ «РУССКИЙ КЛУБ»

РУКОВОДИТЕЛЬ ПРОЕКТА
НИКОЛАЙ СВЕНТИЦКИЙ

СОДЕРЖАНИЕ

- 4 ОТ А ДО Я
РОБ АВАДЯЕВ
- 6 ТАЙНА «НАСТОЯЩЕГО РЕВИЗОРА»
РОКСАНА АХВЕРДЯН
- 12 ЗВЕЗДЫ ТАНЦА
ЯНА ИСРАЭЛЯН
- 15 ДУША РОЯЛЯ – НЕЖНОСТЬ И ГРОЗА
ВЛАДИМИР САРИШВИЛИ
- 18 ДВЕ АННЫ
ЗАЗА АБЗИАНИДЗЕ
- 20 ФЕНОМЕН ГИИ КАНЧЕЛИ
ГУЛБАТ ТОРАДЗЕ
- 24 «Я ТРОГАЮ СТАРЫЕ СТЕНЫ...»
ВЛАДИМИР ГОЛОВИН
- 30 ВСЕПРОЩАЮЩАЯ МУЗЫКА
АНАСТАСИЯ ХАТИАШВИЛИ
- 32 ДЕВОЧКА ИЗ ТБИЛИССКОГО ДВОРИКА
АНАИДА БЕСТАВАШВИЛИ
- 34 ТИФЛИССКИЙ ДВОРИК
ВИКТОРИЯ ЧАЛИКОВА
- 42 БАТУМСКИЕ МОТИВЫ ЗАУРА МАРГИЕВА
ИРИНА ВЛАДИСЛАВСКАЯ
- 48 РАССВЕТ ЦВЕТА ОХРЫ
АНАИДА ГАЛУСТЯН
- 52 ВИДЕТЬ ДОСТОИНСТВА
- 53 ВЗГЛЯД СО СТОРОНЫ
- 54 ЕГО БУДЕТ ОЧЕНЬ НЕ ХВАТАТЬ

На обложке – Гия Канчели

ОТ ДО

■ Роб АВАДЯЕВ

НАРОД ЕГО ЛЮБИЛ

Ровно тысячу и десять лет назад в холодное лето 1005 года родился шотландский король и морейский тан Мак Бетад мак Финдляйх, или знакомый всем нам шекспировский Макбет. Да-да, тот самый, который наусяканный кровожадной женой, зарезал гостившего у него законного короля Дункана I и узурпировал корону. А закончилось это у Шекспира для Макбета плохо – восстала

знать, нашлись более законные претенденты на престол и двинулся «наперерез на Дунсинанский холм Бирнамский лес», то есть вражеские воины пошли в атаку на замок с зелеными ветками в руках для камуфляжа... Так вот, это все неправда. Очевидно, Шекспир вдохновлялся песнями бардов и сделал из Макбета настоящего монстра. Исторический же Мак Бетад мак Финдляйх вовсе не был мерзавцем и клятвопреступником. Напротив, это король Дункан I вторгся в макбетовы владения, сжигая деревни и убивая мирное население. Морейскому владыке не оставалось ничего другого,

как вступить в сражение с собственным созереном. Макбет победил Дункана, совершенно законно стал королем Шотландии и очень прилично правил 17 лет. Кстати, народ его любил. Но престола Макбет не удержал, погиб в сражении с претендентом Малкольмом и был похоронен с почетом на кладбище шотландских королей на острове Айрона. Там и сейчас можно увидеть его могилу.

ЕРМАК – ПОКОРИТЕЛЬ СИБИРИ

В августе исполняется 475 лет со дня рождения знаменитого Ермака. Ученые так и не пришли к единому мнению, кем был знаменитый покоритель новых земель. Вероятнее всего, его звали Ермила Аленин и он рос на берегах Камы среди профессиональных плотогонов-сплавщиков. По преданию, он родился и погиб в один и тот же день – 6 августа по новому стилю в возрасте 45 лет. О его молодости нет почти никаких сведений. Достоверно известно, что Ермак был казачьим атаманом, предводителем лихой ватаги удальцов. Он принимал участие в ливонской войне на Смоленщине, а потом был приглашен с отрядом промышленниками Демидовыми на Урал. В задачу Ермака входило обеспечение безопасности горнодобывающих предприятий. А места там были лихие и опасные. Демидовы же были олигархами того времени и некоронованными владыками земель Предуралья. Грозный царь Иван Васильевич благоволил к этому энергичному семейству. Поэтому Демидовы могли позволить себе, говоря современным языком, частное охранное вооруженное формирование. Они же и профинансировали военную экспедицию

в Сибирь под командованием Ермака Аленина и Ивана Кольцо. Отряд казаков разгромил в нескольких сражениях войска хана Кучума и захватил огромные территории. На первых порах им везло. Пока однажды сибиряки на берегах Иртыша не подстерегли малочисленный отряд Ермака и полностью не разгромили. Но уже через год пришли регулярные войска Ивана Грозного, и Сибирь навсегда вошла в состав России. А Ермак Тимофеевич остался в истории, как первопроходец новых земель.

ДВОЕ, РОЖДЕННЫХ В ОДИН ДЕНЬ

28 августа 1925 года – в один день родились двое замечательных советских писателей-шестидесятников – Юрий Трифонов и Аркадий Стругацкий. Трифонов родился в Москве в семье профессионального революционера, а Стругацкий родился в солнечном Батуми у самого Черного моря. Они оба пережили в юности сильные потрясения, которые сформировали их жизненную позицию – у Трифонова был репрессирован и расстрелян отец, а Аркадий Натанович пережил блокаду, он единственный из вагона эвакуированных выжил. Трифонов, как «сын врага народа», после школы не мог поступить ни в один ВУЗ, поэтому пошел работать на авиационном заводе слесарем, чтобы получить рабочий стаж для поступления в Литинститут. А Стругацкий попал в школу военных переводчиков и надолго «надел погоны». Каждый из них занялся литературным трудом, и каждый стал со временем знаменитым – Трифонов стал всенародноизвестным автором «Старика» и «Дома на Набережной», а Аркадий Стругацкий вместе с братом Борисом стали

признанными «звездами» мировой фантастики. И их книги – серия «Мир Полудня», «Трудно быть богом», «Пикник на обочине», «Обитаемый остров», «Улитка на склоне» и др. постоянно переиздаются огромными тиражами и экранизируются. Но главное, они оба – Юрий Трифонов и Аркадий Стругацкий вместе со своими единомышленниками сформировали мировоззрение людей послевоенного времени и еще нескольких поколений.

ЮБИЛЕИ АВГУСТА

В августе мы отмечаем 85-тилетний юбилей всеми любимого выдающегося кинорежиссера, уроженца Тбилиси Георгия Данелия. Его «Не горюй», «33», «Мимино» и «Кин-дза-дза» вошли навсегда в российскую культуру, а сам Данелия по праву является настоящим классиком отечественного кинематографа. С Днем рождения, батюно Гия!

Еще 17 августа исполняется 80 лет блестящему артисту, театральному и общественному деятелю Олегу Павловичу Табакову. Его бесчисленные роли хорошо известны любителям кино и театра, а дети помнят голос кота Матроскина из мультфильмов о Простоквашино.

А 22 августа исполнилось бы 95 лет гениальному автору «Марсианских хроник», «451 градуса по Фаренгейту» и «Вина из одуванчиков» Рею Брэдбери – всемирно известному писателю-фантасту.

«ПЕВЕЦ РУССКОЙ ПЕЧАЛЬНОЙ ПРИРОДЫ»

Великий русский художник Исаак Левитан родился в Литве в небогатой интеллигентной еврейской семье. Его отец дал детям приличное домашнее воспитание и даже переехал в Москву, чтобы они продолжили образование.

Невзирая на бедность и даже нужду, отец совсем не пытался пристроить детей к чему-то полезному, как юриспруденция или медицина. Он позволил, чтобы оба его сына учились в Московском училище живописи, ваяния и зодчества. Там Адольфа называли Левитан-старший, а Исаака – младшим. Но все склонялись к тому, что младший гораздо талантливее. Его заметил знаменитый Алексей Саврасов – автор популярной картины «Грачи прилетели» и забрал в класс пейзажистов. Как вспоминал однокашник Левитана Михаил Нестеров: «Мастерская Саврасова была окружена особой таинственностью, там священнодействовали, там уже писали картины». Очевидно, мастер сумел создать творческую и дружную атмосферу. И его любимый ученик Исаак Левитан чувствовал заботу, невзирая на то, что его жизнь была необычайно тяжела – вслед за болезненной матерью от тифа умер его отец. Исаак, хоть и сам переболел тифом, ушел из семьи, чтобы не быть обузой. Он даже ночевал на верхних этажах полузаброшенного дома Юшкова на Мясницкой, где в конце XVIII века собирались масоны и, по слухам, водились привидения. Но удача улыбнулась Левитану – две его работы получили малую серебряную медаль выставки и приз в 220 рублей. Это позволило братьям нанять недорогую дачу в Подмоскovie – после покушения на царя евреям особенно строго не разрешалось жить в столице. Исаака, тем не менее, заметили и стали покупать его работы, что позволило им с братом устроиться получше. Когда Левитан закончил обучение, то получил лишь диплом учителя рисования. Но плотина неудач все-таки рух-

нула – его работы пользовались все большим успехом. Исаак Ильич, чтобы быть поближе к природе, поселился в глухой деревне Максимовке, где в соседнем имении часто гостили Чеховы. Так великий художник подружился с великим писателем. В начале 90-х годов он стал членом Товарищества передвижников. Но в 1896 г. после вторично перенесенного тифа у него усилились симптомы аневризмы сердца. Болезнь стала тяжелой и неизлечимой. Зимой 1899 г. в Ялте художник скончался. На его похороны пришли коллеги, учителя и друзья, а Валентин Серов даже приехал специально из-за границы.

ОПЛЕУХА ЗА ЕРЕСЬ

В середине августа 325 года в маленьком городке в Византии завершился I Никейский собор, на котором решались важнейшие вопросы христианства и принимались судьбоносные решения. В частности, был составлен Символ веры из семи пунктов и установлено время празднования Пасхи. Собор, названный Вселенским из-за широкого представительства епископов из многих областей христианского мира, осудил арианство и утвердил постулат о единосущии Сына Отцу и Его предвечном рождении. На Соборе произошел инцидент: епископ Николай из Мир Ликийских отвесил оплеуху скандально известному Арию – богослову из Александрии. Этот красноречивый интеллект и модный проповедник, пользуясь успехом у паствы, особенно женской ее части, стал основателем опасной ереси, раскалывающей христианский мир. Чего не стал терпеть добрый, но строгий Николай Чудотворец. И святые иногда не сдерживаются.

ТАЙНА «НАСТОЯЩЕГО РЕВИЗОРА»

■ Роксана АХВЕРДЯН

Многие потомки представителей грузинских колоний в Москве и Петербурге, став в течение многих десятилетий известными деятелями России, были связаны дружескими и творческими отношениями с прославленными поэтами, писателями, учеными, видными сыновьями русского народа.

Хотя Николай Васильевич Гоголь никогда не был в Грузии, его контакты с потомками грузинской колонии в России и его влияние на них несомненны. Так, в последние годы своей жизни он сблизился и сдружился с семьей Александра Петровича Толстого, женатого на Анне Георгиевне Грузинской. Оба они являлись потомками эмигрировавшего в Россию в 1724 году грузинского царя Вахтанга VI. Именно в доме у А.П. Толстого, у которого Гоголь провел последние годы своей жизни, читал он последнюю, шестую редакцию своей пьесы «Ревизор». Почему же потребовалось сделать столько редакций этой пьесы, что заняло у Гоголя более шести лет?

Первая постановка «Ревизора» состоялась на сцене Петербургского Александринского театра 19 апреля (1-го мая по новому стилю) 1836 года. Разрешение на постановку пьесы было получено не сразу. Сначала Гоголь и его друзья долго не могли добиться этого разрешения. Но В.Жуковский убедил царя, что «в комедии нет ничего неблагонадежного, что это только веселая насмешка над плохими провинциальными чиновниками». И, наконец, разрешение было дано, и премьера состоялась. Но Гоголь остался недоволен постановкой. Много лет спустя он писал: «Представление «Ревизора» произвело на меня тягостное впечатление. Я был сердит и на зрителей, меня не понявших, и на себя самого, бывшего виной тому, что меня не поняли. Мне хотелось убежать от всего». Гоголь, кажется, был единственным, кто воспринял первую постановку как провал.

После спектакля он был «в раздраженном состоянии духа»: «Го-

споди боже! Ну, если бы два ругали, ну, и бог с ними, а то все, все...» Это не было правдой, хотя и нашлись люди, которые после премьеры возненавидели Гоголя. Так, граф Федор Иванович Толстой говорил при многолюдном собрании, что Гоголь – «враг России и что его следует в кандалах отправить в Сибирь». Именно такие заявления писатель переносил особенно тяжело. «Враг России» – это про него-то? Неудивительно, что вскоре после премьеры Гоголь уехал за границу, отказавшись от постановки пьесы в Москве, несмотря на уговоры А.С. Пушкина и М.Щепкина.

Комедия, конечно, произвела на зрителей впечатление разорвавшейся бомбы. Ситуация была очень тягостной. И неудивительно, что вслед за комедией Гоголя также в 1836 году, как бы для того, чтобы смягчить ситуацию, было поставлено на сцене продолжение гоголевского «Ревизора». Имя автора не было

указано ни на театральной афише, ни на последовавшем вскоре печатном издании пьесы. Но в «Обзрении книг, вышедших в России в 1836 году», по разделу «Комические произведения» указано: «Князь Цицианов написал продолжение комедии «Ревизор» и назвал ее «Настоящий ревизор». Это продолжение не похоже на начало». В «Хронике» А.И. Вольфа также содержатся указания, что автором пьесы является «некий князь Цицианов». Учеными до последнего времени не была установлена личность этого Цицианова. Никто не знал, кто он, этот Цицианов, так смело продолживший пьесу Н.В. Гоголя «Ревизор».

С целью установления личности автора продолжения гоголевского «Ревизора» «некоего Цицианова» мы заинтересовались родословной князей Цициановых и занялись ее изучением, чтобы выяснить, кем же он в действительности был.

Род Цициановых (Цицишвили) был один из самых знатных и известных в Грузии. Он был связан узами родства с царским домом, точнее был в близком родстве с супругой последнего царя Грузии Георгия XII. Фамилия Цициановых была одной из первых и самых распространенных и среди представителей грузинской колонии в Москве, так как в свите Вахтанга VI находилось несколько семейств из этого рода. Они пользовались широкой известностью в России в конце XVIII и в начале XIX века, представители этого рода занимали важные государственные посты в России. Пол донныне сохранившейся Всехсвятской церкви в Москве весь испещрен надгробиями с начертанными на них именами Цициановых. Церковь служила усыпальницей их семьи. Фамилия Цициановых славилась не только своими военными подвигами, но и своим вкладом в русскую культуру.

В результате многолетних изысканий нами были найдены и изучены материалы о жизни и деятельности этого семейства в России. Первыми произведениями грузина, изданными на русском языке в России, были книги известного деятеля грузинской и русской науки и литературы Дмитрия Павловича Цицианова (Цицишвили), отца будущего главноуправляющего Грузией – известного прогрессивного деятеля своего времени Павла Дмитриевича Цицианова. Дмитрий Павлович родился в Грузии 17 августа 1721 года, как сказано в «Эпитафии», помещенной в его «Завещании». В возрасте двух лет Дмитрий вместе с отцом эмигрировал в Москву в составе свиты Вахтанга VI. Отец его Папуна (в России Павел Захарьевич), капитан Грузинского гренадерского полка, погиб в 1740 году во время войны со шведами в Финляндии. В 1739 году он определил сына в шляхетский корпус «для дополнения наук, дабы впредь угоден и достоин был к службе». Дмитрий закончил корпус 10 февраля 1742 года. Учился он вместе с А.П. Сумароковым, в будущем – известным русским драматургом. Как пишет в своем словаре Н.И. Новиков («Опыт исторического словаря о российских писателях», с.200), Д.П. Цицианов хорошо закончил кадетский корпус,

при этом «по-немецки говорит и сочиняет немецкие письма..., французского и латинского автора понимает, переводит с обоих языков на российский и немецкий, имеет доброе начало в переводах с немецкого на французский язык, притом весьма доброго и порядочного поведения...»

Дмитрий, кроме того, прослушал курс лекций по экспериментальной физике, естественным наукам, нравственности, географии, математике, немецкому и русскому языкам. С детства отличаясь большими способностями, Дмитрий еще в 15-летнем возрасте перевел с немецкого языка на грузинский напечатанный в Виттенберге учебник по математике и преподнес его в дар грузинскому царевичу Бакару.

Дмитрий Павлович был разносторонним ученым и писателем, истинным человеком эпохи Просвещения, пропагандировавшим науки, знания. Католикос Грузии Антон I в своей книге «Мерное слово», изданной впервые историком Платоном Иоселиани в Тбилиси в 1853 году, в стихах, посвященных Д.П. Цицианову, писал, что он – «философ... блестящий, математик, ритор благородный». Д.П. Цицианов известен и как первый русский ученый-геодезист, автор изданного в 1757 году в типографии Петербургской Академии наук фундаментального, очень подробного и добросовестно составленного труда по геодезии.

Владея многими языками, ученый занимался и переводческой деятельностью. Совместно с литератором А.Ниловым он перевел с французского на русский язык сочинение Г.Перефикса, епископа Родецкого, бывшего учителя короля Людовика XIV – «История короля Генриха Великого». Произведение это было опубликовано сыновьями Дмитрия Павловича после его смерти, последовавшей в 1777 году.

Как нами также установлено, Д.П. Цицианов, прекрасно владевший грузинским языком, принимал участие и в изданиях грузинских религиозных

Вахтанг VI

книг в типографии московского Крестовоздвиженского монастыря. Его фамилия встречается в выходных данных изданных здесь книг: «Псалтыри», «Избранного Евангелия», «Часослова». Следует отметить, что знание грузинского языка сохранилось у всех поколений семьи Цициановых.

С художественной точки зрения интерес представляет сочинение морально-дидактического характера «Завещание статского советника князя Дмитрия Павловича Цицианова детям своим». К «Завещанию» приложена «Эпитафия», в которой указано, что он умер в 1777 году. Книга была издана в 1786 году. Об этом свидетельствует собственноручный автограф его сына Павла на экземпляре книги, хранящемся в библиотеке имени Ленина в Москве. В нем он пишет младшему брату Дмитрию, что завещание отца было обращено к братьям и к нему при их отъезде из дома. Это «бесценное сокровище, берегая от тленности», Павел напечатал и дал каждому брату по экземпляру. Таким образом, эта маленькая книга – завещание отца сыновьям при их отъезде из дома, в котором Д.П. Цицианов, обращаясь к сыновьям, говорит, что «богатства не нашёл, но сколько обстоятельства дозво-

ляли, вам бедности чувствовать не дал; ни в чем нужном оскудения не имели». И призывает их не посвящать жизнь тому, чтобы разбогатеть, а стараться быть добрыми христианами и честными гражданами. Стиль этого «Завещания» выдержан в традициях просветительства, в нем утверждается необходимость нравственного совершенствования человека.

Известно, что у Дмитрия Павловича было 6 сыновей: Георгий (умер в 1792 году), Павел (был убит в 1806 году), Иван (умер в 1820 году), Дмитрий (умер в 1822 году), Петр (умер в 1826 году), Михаил (умер в 1841 году).

Павел Дмитриевич Цицианов – будущий главноуправляющий Грузией, был, как и его отец, очень образованным и талантливым человеком. Он был переводчиком, поэтом и писателем, оставившим после себя ряд художественных произведений прогрессивного направления. Родился он в 1754 году в Москве. Еще с малолетства, согласно принятому в то время правилу, был зачислен на военную службу бомбардиром Преображенского полка. В дальнейшем посвятил себя военной карьере, дослужившись до чина генерала от инфантерии русской армии. Это был мужественный воин, восхищавший всех своей храбростью. Известно, что А.В. Суворов, обращаясь к воинам, не раз призывал их «сражаться, как храбрый генерал Цицианов». В 70-х годах он был назначен командиром роты лейб-гвардии Преображенского полка, в котором служила привилегированная знать. 7 января 1778 года он по собственному желанию был переведен в чине полковника в Тамбовский пехотный полк. Здесь, в провинции, он продолжал заниматься самообразованием, особое внимание уделяя военным наукам, которыми увлекался с детства, изучая произведения военных писателей, вопросы военной стратегии и тактики.

В 1786 году Павел переехал

в Петербург, что было вызвано его назначением командиром Санкт-Петербургского гренадерского полка, во главе которого он начал свое боевое поприще во время русско-турецкой войны. В 1796 году он был отправлен в Закавказье под начальство генерала В.А. Зубова. В 1797 году Павел Цицианов вышел в отставку, отстранился от дел и удалился в свое имение на Украине. В отставке он пробыл до 1802 года.

11 сентября 1802 года П.Д. Цицианов был назначен главноуправляющим на Кавказе с пребыванием в Тбилиси. С 1803 года он уже в Грузии. Он в совершенстве был знаком с характером грузин и особенностями их быта. Павла Дмитриевича хорошо знали в Грузии, он имел дружеские и родственные связи со всеми князьями Картли. Он отлично владел грузинским языком. На посту главноуправляющего Грузии он находился 3 года и 5 месяцев.

П.Д. Цицианов был передовым человеком своего времени. Одной из главных задач правительства он считал распространение просвещения в народе. Поэтому он ходатайствовал о присылке учителей в Грузию, книг, учебников, об открытии училищ. К числу главных его заслуг за время правления относится восстановление им в 1804 году в Тбилиси типографии, основанной Ираклием II и разоренной Ага-Мохаммед-ханом в 1795 году.

Павел Дмитриевич в доме отца под его непосредственным наблюдением получил блестящее образование, с детства выделяясь своими недюжинными способностями, трудолюбием, незаурядным литературным талантом. Он основательно владел как русским, грузинским, так и французским языками. Еще в раннем возрасте как переводчик был удостоен специальной премии «Собрания старающегося о переводе иностранных книг». Известны его переводы с французского на русский язык.

НАСТОЯЩІЙ
РЕВИЗОРЪ,

КОМІТІА

ВЪ ПРАВО ДѢЛЪ НАШЪ ПОСЛАВІА

СОСТАВИЛЪ

ПРОСЛАВІАМЪ БОЛШІА: РЕВИЗОРЪ ЛЕОНІДЪ

Г. ГОГОЛЕВЪ

Наз
№ 3379

Вначале он осуществлял их совместно с дядей, братом отца Егором Павловичем, офицером лейб-гвардии Преображенского полка, писателем и переводчиком. Ими в 1765 году была переведена книга восточной мудрости «Экономия жизни человеческой». Видимо, перевод был превосходный, о чем говорит тот факт, что она многократно переиздавалась. «Экономия» Цициановых была переведена на грузинский язык Гайозом-ректором, под названием «Китайская мудрость» она была напечатана в Тбилиси в типографии Ираклия II в 1784 году. Этот перевод Иоанн Багратиони внес в свою книгу «Калмасоба».

Книга представляет собой морально-дидактическую энциклопедию, в которой даются наставления по самым разнообразным жизненным и нравственным вопросам. Сюда входят такие разделы, как «О рассмотрении самого себя», где представлены следующие категории: о благоразумии, постоянстве, умеренности, надежде, страхе, радости, печали, гневе, сожалении, желании и любви. Другие разделы посвящены отношениям человека в семье и обществе. Один из разделов называется «О провидении или случайной разности людей». В нем говорится об отличии умного и невежды, богатого и убогого, господина и служителя, государя и подданных. Его продолжает раздел «Должности общества», освещающий благосостояние и правосудие, человеколюбие и благодарность. Отдельный раздел посвящен «Законам». Все советы и наставления, приводимые в книге, даны с точки зрения христианской морали, хотя в переводе, несомненно, чувствуется и влияние идей просветителей, особенно в разделе «О законах».

Грузинские ученые нашли несомненное сходство между «Экономией» Цициановых, переведенной Гайозом-ректором на грузинский язык, и «Дидактикой» Давида Гурамишвили

(1705-1792). Грузинский поэт был наверняка знаком с «Экономией», так как оба произведения имеют много общего по философско-мировоззренческим, дидактико-педагогическим взглядам; в них встречаются схожие места, почти дословное выражение мыслей о воспитании детей, обращении со слугами, выборе невесты и т.д., хотя «Дидактика» Д.Гурамишвили написана стихами.

В 1767 году Павел совместно с дядей Егором Павловичем под руководством отца, к тому времени уже известного ученого, перевел с французского языка книгу Г.И. Пихта «Полевой инженер или офицер, по случаю нужды строящий полевое укрепление, с надлежащими изъяснениями или дополнениями». Этот труд имел в свое время большую практическую ценность для развития военной науки, касался вопросов фортификации, строительства мощной русской армии. Каждую главу переводчики снабдили эпиграфом.

Эпиграф к первой главе звучит так: «Сердце неустранимое знает свою должность, находит способы к своему исправлению, презирает смерть и летит к славе, побеждая опасности». Переводчики, отмечая, что в России много искусных инженеров и храбрых генералов, о бесчисленных победах которых «даже враги не могут молчать», ставят своей целью укрепить силы русского войска. «Для лучшего понятия» они снабдили каждую главу примечаниями и дополнениями, практическими рекомендациями, поэтому труд скорее можно назвать собственным сочинением Цициановых с применением материалов из книги И.Г. Пихта, чем переводом.

О том, что П.Д. Цицианов был глубоким знатоком военной науки, говорит и тот факт, что он перевел, уже самостоятельно, сочинение Фридриха Великого «Дух кавалера Фоларда из его толкований на Полибиеву историю, предназначенную для знатоков военного искусства». Из-

Павел Дмитриевич Цицианов

дание весьма искусно украшено гравированными чертежами и рисунками. Жан Шарль де Фолар, известный военный теоретик Франции конца XVII – первой половины XVIII века, составил комментарий к трудам древнегреческого историка Полибия, к которому приложил свой «Трактат о колоннах» (издан в Париже в 1757 году). Прусский король Фридрих II в 1761 году издал отрывки из трудов французского ученого со своими критическими замечаниями. Именно эту книгу и перевел П.Д. Цицианов, который был не только храбрым воином, но и глубоким теоретиком военного искусства. Недаром его настольной книгой были сочинения Плутарха, которые «во всякое время служили отдохновением от трудов».

Входя в число сотрудников основанного Екатериной II «Собрания старающегося о переводе иностранных книг» Павел много переводил самостоятельно с французского языка. В 1775 году был напечатан его перевод «Юлия или счастливое раскаяние» – переделка с французского языка сочинения Франсуа Бакюлар д'Арно. Позднее это произведение перевел с французского и Н.М. Карамзин (М., 1797).

Сентиментальное по стилю, оно напоминает плутовской роман, в котором рассказывается, как легкомыслие и тщеславие

В. Кожевникова. Иллюстрация к «Ревизору» Н.В. Гоголя

привели дочь благородных, но обедневших родителей в среду безнравственных женщин полусвета и волокит. Погубив свою честь и здоровье, девушка наконец прозревает, в ней побеждают нравственные начала. Она возвращается в дом родителей и умирает на могиле отца, сраженного позором дочери. Роман написан увлекательно, с большой художественной силой, в нем нашли воплощение идеалы эпохи Просвещения – победа морально-нравственных и разумных начал над злом, безнравственностью и тщеславной суетностью.

Павел Дмитриевич перевел с французского языка также комедию «Тюркаре или кокетка в заблуждении», которая в свое время была очень популярна и ставилась как в Петербургском императорском театре (1789-1790), так и на сценах других городов России. Все эти произведения и рукописи были впер-

вые найдены и изучены нами в Ленинградской библиотеке имени Салтыкова-Щедрина, а также и в различных архивах.

Сочинял Павел Дмитриевич и стихи, многие из которых, по словам биографа, «исполнены ума и сердца», в них видна «острота ума и сила чувства» (Висковатов А.В. Жизнь Павла Дмитриевича Цицианова. М., тип. С.Селивановского, 1823, с.7). Н.Г. Тарсаидзе в своей книге приводит одно из стихотворений П.Д. Цицианова, посвященное Василию Зиновьеву, который был в дружеских отношениях с А.Н. Радищевым, и высказывает предположение, что П.Цицианов через В.Зиновьева был знаком с Радищевым.

Просветительские идеалы П.Д. Цицианова особенно ярко проявились в его оставшемся в рукописи произведении «Беседа трех российских солдат в царстве мертвых, служивших в трех разных войсках против турок»

(1790). Известны два списка сочинения. Рукопись «Беседы» хранится в Институте русской литературы АН (Пушкинский дом). Тема «Беседы» связана с русско-турецкой войной, действие происходит в Яссах на поле боя. В небольшом вступлении автор рассказывает, что в минуту грустного настроения он уснул и в сновидении перенесся в царство мертвых, где оказался свидетелем беседы трех солдат. Автор в оригинальной художественной форме передает беседу между тремя погибшими в бою солдатами: Сергеем Двужильным, который вместе с Г.А. Потемкиным брал Измаил, современником Б.К. Миниха Иваном Гавриловым и Степаном Статиным, служившим при П.А. Румянцеве.

Язык «Беседы» прост, ясен и искусно подделан под солдатский склад. Автор с большим правдоподобием передает грустный рассказ Двужильного: «У меня было 4 сына, которых

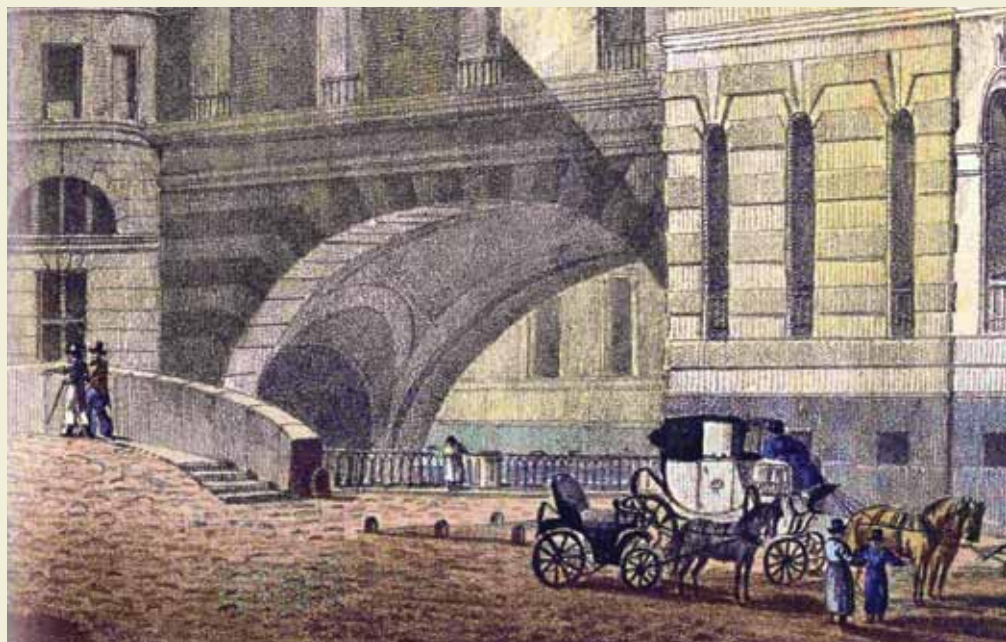
Император Николай I

взяли (в армию – *Р.А.*). Я тогда был уже 6 лет в гарнизоне, по-служу Богу и государю в полевой 20 лет». Но несмотря на то, что он «никуда от старости не годился», его тоже завербовали. Вербовал их некий генерал. В сноске к опубликованной в «Русской старине» рукописи даны пояснения Цицианова – «С.А.Ф.». Автор статьи в «Русской старине», посвященной Г.Потемкину, расшифровывает их: «С.Ф. Фамицын, шеф Белорусского корпуса», – что свидетельствует о подлинности событий, приводимых Цициановым. По словам старого солдата, за бессрочную солдатскую службу его прозвали «Двужильным». Солдат критически оценивает новшества, введенные в армию Потемкиным, новое обмундирование солдат, вооружение, гнилую еду, которая «много народу повалила». Но особенно большое нареkanie вызывает у него упадок в армии дисциплины и патриотического духа воинов. С болью говорит он об эксплуатации солдат. В своем рассказе Двужильный отрицательно характеризует некоторые темные стороны личности князя Потемкина.

Рукопись в свое время не получила огласки, не говоря уже о печатании. Несомненно, что Г.А. Потемкин, в адрес которого было направлено острое сатиры, не знал о ней ничего, он скончался через год после написания произведения, иначе это могло бы повлиять на дальнейшую карьеру П.Д. Цицианова. Автор статьи в «Русской старине» прямо указывает, что если официальная история обходила молчанием неудачи в действиях военачальников, а «поэзия – льстивая и пристрастная – составляла только лицевую сторону», все же «находились люди настолько правдолюбивые (т.е. П.Д. Цицианов – *Р.А.*), чтобы, не ослепляясь успехами, высказывать о героях горькую правду» («Русская старина», 1875, №9, с.231).

Павел Дмитриевич Цицианов умер от руки изменника в

К. Кольман. Угол Дворцовой набережной. 1820-ые гг. Фрагмент

1806 году при взятии Баку в русско-персидскую войну. Смерть его подробно описал его друг и сподвижник генерал-майор С.А. Тучков, талантливый военачальник, который служил при Екатерине II, член «Петербургского общества любителей словесности», представитель прогрессивного направления в русской литературе. Они были знакомы с 1794 года, когда вместе служили в одном полку. Связывали их и общие литературные и переводческие интересы. С.А. Тучков, так же, как и Цицианов, переводил с французского. Его перу принадлежит перевод нескольких французских трагедий, в том числе и Вольтера, од Горация Флакка. Писал он и собственные драматические произведения в стихах в подражание французским классицистам. В 1816 году его сочинения и переводы были напечатаны в Петербурге, в типографии Иосифа Иоаннесова. Этот факт свидетельствует о близости С.А. Тучкова к грузинским деятелям культуры, группировавшимся вокруг типографии Иоаннесова.

Сергей Алексеевич участвовал во многих сражениях на Кавказе, он служил управляющим гражданской частью в Грузии, за успешную службу на этом поприще получил благодарность императора. Во время войны

1812 года прославился своими подвигами, но впоследствии был оклеветан и вынужден был выйти в отставку. Некоторое время он служил градоначальником в Измаиле. Умер он в 1839 году, оставив среди других сочинений интересные записки, в которых много страниц уделено Грузии, дружбе с Давидом Багратиони и Павлом Цициановым, его трагической гибели.

Жизнь П.Д. Цицианова, его деятельность на посту главного управляющего на Кавказе описаны в книге его первого биографа А.В. Висковатого. Сочинение это было издано анонимно. В каталоге Государственной публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина оно ошибочно приписано П.Зубову. Книге предпослан эпиграф писателя П.И. Шаликова (Шаликашвили): «Героев истинных он дух имел и нравы; Жил для родных, друзей, отечества и славы».

Эта биография была переиздана в Тифлисе в 1845 году под редакцией П.И. Иоселиани, а затем перепечатана в «Кавказском календаре» на 1848 год. Ученым Г.В. Микадзе был найден рукописный перевод этой книги А.В. Висковатова на грузинский язык.

Окончание следует.

ЗВЕЗДЫ ТАНЦА

■ Яна ИСРАЭЛЯН

Гала-концерт, посвященный 70-летию Национального балета Грузии «Сухишвили», состоялся в конце июня. Представление прошло в Тбилисском концертном зале.

2015 год – юбилейный для «Сухишвили». В течение всего года проходят мероприятия, приуроченные к 70-летию коллектива. Главным же событием, посвященным круглой дате, стал Гала-концерт. В праздничном выступлении участвовали мировые звезды балета Илзе Лиела, Нино Аниашвили, Ирма Ниорадзе, Илья Кузнецов, артисты Нидерландского театра танцев. Накануне спектакля организаторы памятного вечера рассказали, как проходила подготовка к важному дню.

По словам хореографа Илико Сухишвили, программа для вечера подготовили особенную. Если коротко, решили смешать жанры – получился некий синтез балета и национальных танцев.

«По устоявшейся традиции юбилейные концерты отличаются от обычных. И в этот раз мы решили сохранить этот формат. Мы рискнули смешать

Илзе Лиела в танце «Джейран»

два разных танца – такого, по моему, еще никто никогда не делал. Что вышло в итоге, судить зрителю, но, кажется, получилось интересно».

Поздравить «Сухишвили» приехало много именитых гостей из разных стран. «Это большая честь для нас. Очень приятно, что они смогли выделить время и поучаствовать в нашем представлении», – говорит руководитель ансамбля Нино Сухишвили. Она призналась, что планы, как отметить большую дату, строились долго, но их нарушил проливной дождь, вызвавший разрушительное наводнение в Тбилиси. Из-за стихийного бедствия решено было отпраздновать юбилей не так помпезно, как изначально планировалось, и придать концерту благотвори-

тельный характер.

В день Гала-концерта фойе Концертного зала было переполнено. Политики, общественные деятели, представители дипкорпуса, люди искусства и верные поклонники творчества легендарного коллектива – все пришли поздравить «Сухишвили» с юбилеем. В холле были выставлены сценические костюмы, созданные за 70 лет существования коллектива – в некоторых танцевала основатель ансамбля Нино Рамишвили. Зрители подолгу задерживались у нарядов – кроме исторического значения, они сами по себе представляли шедевры дизайнерского искусства.

Особенное внимание было приковано к зарубежным гостям. Известная балерина Илзе Лиела приехала в Тбилиси за

Танец «Самая»

В фойе Тбилисского концертного зала

несколько дней до спектакля. В течение всего этого времени она часами репетировала с ансамблем, отрабатывая движения знаменитого танца «Джейран», который должна была исполнять во время Гала-концерта.

Танец Лиэпа выбрала сама. Это был серьезный выбор и большая ответственность, говорит балерина – ведь «Джейран» танцевала основатель ансамбля Нино Рамишвили.

По словам художественного руководителя ансамбля Илико Сухишвили, работать с И.Лиэпа было легко. «Илзе – профессионал. Освоила танец за два дня. В ее исполнении будет другой «Джейран». И мне кажется, очень интересный номер получился».

Балерина рассказала, с чего началось ее знакомство с Грузией, грузинскими танцами и ансамблем «Сухишвили».

– Я и мечтать не могла о том, чтоб танцевать с «Сухишвили». Водитель, который меня тут возит, с удивлением спрашивает – а вы правда будете танцевать «Джейран»? Я понимаю, что этот танец значит для грузинского зрителя. Долгие годы нас с ансамблем «Сухишвили» связывала большая любовь и уважение к этому великолепному коллективу, теперь мы уже и дружим. То, что сейчас здесь происходит – событие невероятное! Не только для грузинского искусства и Грузии – это со-

Премьер-министр и министр культуры Грузии на концерте

бытие уникальное для мировой культуры. Потому что то, чем стал ансамбль «Сухишвили» – несомненно, часть мировой культуры. За многие годы своего существования он не только не потерял своей уникальности, а, наоборот, в лице потрясающего Ильи Сухишвили-младшего как хореографа, и Нино Сухишвили, как руководителя, приобрел новые краски. Кажется естественным то, что в юбилейной программе участвуют две такие звезды мирового балетного театра, как Нино Ананишвили и Ирма Ниорадзе, имеющие грузинские корни. Но то, что в этот творческий проект могут войти я и Илья Кузнецов – это, конечно, невероятно. И целиком и полностью эта заслуга фантастической женщины, творческого человека и моей подруги, продюсера, ки-

норежиссера Нино Лапишвили и другой уникальной женщины Нино Сухишвили, которые, объединившись, претворили идею, поначалу казавшейся совершенно невероятной, в жизнь. А все потому, что идея эта наполнена любовью. Отдельно скажу о том, как гениально оформлено представление и как преподнесено выступление каждого участника. Думаю, это будет сюрприз для всех, кто будет свидетелем этого вечера. Танцевать в этом Гала-концерте для меня огромная ответственность. Когда пришла в первый раз на репетицию в репетиционный зал, не могу описать вам мои ощущения, восторг, захвативший меня от той энергетики, которой наполнено каждое движение танцовщика и танцовщицы этого ансамбля – настолько это со-

Николай Цискаридзе на презентации альбома

удобно – он терпеливо давал себя снимать, даже если нужно было сделать несколько дублей. «Работая с Цискаридзе, я понял, что он большой человек – по-настоящему большой. Человек, который получил признание благодаря своим собственным таланту и труду», – говорит Ю.Мечитов.

Танцор балета рассказал, что когда ему, молодому дарованию, посоветовали уехать из Тбилиси в Москву, его мама приняла это решение с трудом. Лишь после долгих уговоров педагога Николая она дала свое согласие. Там, в Москве, к нему пришли признание и слава. Но годы, проведенные в Тбилиси, Цискаридзе

временно, живо, талантливо. Это наполняет меня таким трепетом и ответственностью, что я с непередаваемым чувством жду нашего выступления.

Николай Цискаридзе в Гала-представлении не участвовал, но был на юбилейном вечере почетным гостем. К его приезду была приурочена презентация альбома о жизни и творчестве известного танцора.

Церемония представления издания прошла в Национальной библиотеке Грузии и была открыта для широкой общественности.

«Когда мне сказали, что выпустили книгу про меня, я, честно говоря, подумал, что речь о какой-нибудь брошюре – в последние годы про меня в Грузии не вспоминали, не то, что издавали книги. Я думал – ну, сделают маленькую книжку, что, мол, был такой танцор. Когда встретился с издателями и увидел в их руках огромную книгу, первое, что пришло в голову – наверное, мне собираются подарить подарочное издание «Витязя в тигровой шкуре». Я не мог себе представить, что обо мне выпустят такое большое и основательное издание. Я был потрясен. Мне очень приятно».

Автор идеи – руководитель издательства «Сезан» Манана Картозия. Она говорит, что эта книга – единственное, что можно

Дуэт с Софо Нишарадзе

было сделать сейчас, когда завершилась сценическая карьера Николая Цискаридзе длиной в 21 год.

Внушительных размеров издание лежало стопкой на столе. Присутствующие могли приобрести его тут же за 50 лари. В каталоге с глянцевыми страницами – около четырехсот страниц и множество фотографий, иллюстрирующих разные периоды творческого пути танцора. Часть их – из личного фотоархива Н.Цискаридзе, другие сняты Юрием Мечитовым. Специально для издания была устроена профессиональная фотосессия.

Как рассказал фотограф, работать с Цискаридзе было

зе помнит хорошо:

«Я помню, какая была ситуация в Грузии, когда выступал здесь в 90-е годы. Зимой я выходил на сцену в неотапливаемом театре. В холодном зале сидели зрители, одетые в пальто, перчатки и шапки. В таких условиях приходилось танцевать».

Неожиданным сюрпризом для присутствующих было исполнение Н.Цискаридзе песни «Тбилисо» в дуэте с Софо Нишарадзе. Две знаменитости, стоя у черного рояля, усыпанного красными розами, в окружении поклонников, казалось, чувствовали себя купающимися в лучах славы.

ДУША РОЯЛЯ – НЕЖНОСТЬ И ГРОЗА

Играет Александр Корсантия

■ Владимир САРИШВИЛИ

Александр Корсантия, профессор старейшей в США бостонской Консерватории Новой Англии, который год подряд приезжает в родной Тбилиси дабы вновь и вновь возглавить в качестве художественного руководителя Международный фестиваль академического искусства и классической музыки «От Пасхи до Вознесения». Основанный в 2006 году Международным благотворительным фондом Католикоса-Патриарха всея Грузии совместно с Фондом Акакия Рамишвили «Традиция и инновация», он стал неотъемлемой частью культурной жизни нашей страны.

Два ярких музыкальных подарка от Александра Корсантия с благодарностью и восторгом приняла тбилисская публика на пороге лета – 2015. Первый – на вечере, посвященном 175-летию со дня рождения П.И. Чайковского. Исполненный Корсантия неувыдаемый 1-й концерт для фортепиано с оркестром Петра Ильича вызвал шквал оваций. Но нам бы хотелось

подробнее остановиться на другом вечере, где Александр Корсантия предстал перед публикой со своей интерпретацией 4-го концерта для фортепиано с оркестром Людвига ван Бетховена. И не только потому, что этот шедевр менее известен широкому кругу столичных любителей музыки, но и потому, что именно после этого концерта состоялась наша встреча с Сашей Корсантия – выпускником овеянной легендами 43-й тбилисской школы. Как и его собеседник.

После концерта, пройдя в артистическую, я узнал, что Саша играл этот концерт, зачисленный критиками в категорию сложнейших произведений мировой музыкальной культуры, с высокой температурой. Простуду он прихватил где-то по дороге то ли в Гурию, то ли в Аджарию, то ли в Имерети (регионы, где проходил юбилейный, 10-й фестиваль). К тому же Корсантия играл без дирижера (!), взяв на себя его функции. Как он с улыбкой сказал мне потом: «Такая практика существует. Наш ор-

кестр «Симфоньетта» нередко концертирует без дирижера».

Скромность скромностью, но пианисты с дирижерским мышлением – явление еще более редкое, чем даже сверходаренные исполнители.

Как бы там ни было, температура эмоционального накала в зале была еще выше, чем у нашего прославленного солиста, который соединил в своей интерпретации предельную эмоциональность, глубинное проникновение в многообразие бетховенского замысла и виртуозность исполнения.

Корсантия словно бы ткал на клавишах напевы, то преобразуя их в пассажи, то четко «обряжая» декламационной выразительностью.

И ему удалось добиться эффекта «всплывания» экспрессивной мелодии связующей партии и «растворить» лирическое видение в виртуозных пассажах, что, по мнению критиков, – задача наисложнейшая.

И вот мы с Александром Корсантия в давно облюбованном местечке, за чашкой кофе.

Где это потайное местечко – не скажу, по просьбе самого Саши, которому часто докучают труженики пера и видеокамеры, далекие от мира искусства.

– Саша, о многом довелось нам беседовать во время пусть и редких, но содержательных встреч, но вот о твоём педагогическом методе ни разу не спрашивал, как-то так получилось. Недавно, работая над книгой о Тициане Табидзе и Пастернаке, прочитал, как вел занятия с учениками Генрих Нейгауз. Через образы, символы. К примеру, исполнение токкаты и фуги Баха он предлагал ассоциировать с итальянским кладбищем в ясный, погожий день – белые надгробья, бесконечность лазурного неба. Ты практикуешь нечто подобное?

– Безусловно, и прежде всего потому, что мой великий учитель Тенгиз Амирэджиби тоже – на импровизационно-интуитивном уровне – использовал язык символов и метафор. Хотя, когда его спрашивали о методике, он говорил, что такой не имеет, а обучает тому, что слышит и в чём сам убежден. Мне кажется, метод маэстро Гизи заключался в том, что он передавал студенту свои эстетические ощущения, ассо-

циации, которые жили в нём особой, обостренной жизнью.

Я считаю важным заразить студента микробом образа, дабы он на основе этого образа разработал в трактовке произведения самостоятельную магистраль линий, красок, динамики общей исполнительской картины. Считаю удачей, когда у студента появляется независимая ассоциация.

– Есть ли записи твоих занятий со студентами?

– Нет, я не любитель подобных «архивов». И фотографироваться во время путешествий не люблю – мне кажется, после этого гаснут живые звуки и краски странствий.

– Сейчас ты играл концерт, в своё время приведший в ужас буквоедов от классических образцов...

– В своём четвертом концерте Бетховен неслыханным до него образом переставлял ступени – соль мажор на до мажор, начиная финал концерта с «чужой» тональности. Подобное новаторство позволял себе впоследствии и Брамс в начале финала 2-го фортепианного концерта.

– Говорят, Бетховен забывал поесть и бранил слугу, что мешает со своим обедом, когда он уже пообедал. Но мо-

На концерте к юбилею П.И. Чайковского

жет, вина выпить не забывал?

– Он любил кислое австрийское. Наше гурийское Бетховену понравилось бы непременно.

– Опять-таки возвращаясь в семью Нейгаузов... Там не очень жаловали Шуберта, боготворя Шопена. А у тебя есть подобные предпочтения или наоборот?

– Шуберта там, безусловно, жаловали, даже очень. Просто отношение к Шопену было особенным. У меня нет времени войти в миры всех титанов, но я бы чувствовал себя там комфортно, есть такое предощущение. Пока я не чувствую в музыкальной литературе области, закрытой для меня неким виртуальным шлагбаумом. Может быть, я ошибаюсь, но доказать всего не смогу – жизни не хватит, чтобы войти во все эти океаны.

Но из ближайших «неосвоенных» миров – это тот же Шуберт, который, впрочем, уже «осваивается». И – Скрябин. Огромный космос. Думаю, лучшими его интерпретаторами были Станислав Нейгауз и Владимир Софроницкий.

Скрябин – это безумная смелость, прорыв в такие глубины, куда ничья нога не смела и ступить. Иногда Александр Скрябин ставил такое «безумие» самоцелью. Его поздние работы не были сочинены в угоду публике – по крайней мере, современной ему публике. Никаких скидок, только – поиск связи глубины и высоты. А это и есть гармония. И эта концепция восторгает.

– Сейчас ты возвращаясь к педагогической деятельности. А когда снова на концертную сцену?

– Уже начиная с июня – Корея, Италия, Китай, Испания, Канада, Германия, концерты по Америке.

– Кстати, об Италии. Сильно обобщая, культурологи говорят о Риме как интел-

лектуальном источнике европейской цивилизации, а об Элладе – как поэтической ее основе. К чему более склонно твое исполнительское искусство?

– Самому судить трудно. Но в чистом виде ничего на свете не существует. Вот в этот свой приезд, например, я сыграл концерт Чайковского – он ближе к экспансивному, империалистичному Риму, и четвертый Бетховена – он больше сродни мифологической, исполненной фантазии Элладе. Здесь я слышу и ноты эпикурейства, красоте и изящество линий, классические пропорции, здесь слышны сами истоки прекрасного.

– Я в начале статьи заметил, что Корсантия – из когорты исполнителей с дирижерским мышлением. Но не из воздуха ведь это возникло...

– Нет, конечно. Это – от непревзойденного Раду Лупу. Я его услышал по телевизору 30 лет назад в Тбилиси. Впечатление осталось на всю жизнь.

– Говорят, чтобы достигнуть ясности и глубины трактовки произведения, надо избавиться от многих освоенных в процессе обучения сложностей. Так Вальтер Гизекинг достигает сочности, красочности и точности в исполнении сочинений импрессионистов...

– То же говорили о Бенедетти Микеланджели. Но они – не мои кумиры в исполнении созданий импрессионистов. Хотя их заслуга – в том, что они показали: импрессионизм в музыке – это не расплывчатость, это направление обладает структурной четкостью, и надо признать правила игры. Как в трактовке произведений Баха.

Но после Гизекинга и Микеланджели прошло несколько поколений, и расплывчатость импрессионизма вновь становится акцентированной в исполнительском искусстве. Пройдет еще век, музыкальный

«напиток» отстоится и, возможно, импрессионизм приобретет еще большее значение.

– Больше даже, чем нововенская школа?

– Нововенская школа – это фатальный, потрясающий по смелости эксперимент. Но эта школа, произведения Берга, Веберна, Шенберга, других ее корифеев все-таки больше представлена в учебниках, чем в концертных залах. А импрессионизм Клода Дебюсси будет жить всегда.

Как человек, связанный с креативным процессом, я уважаю и восхищаюсь достижениями нововенской школы, но как музыканта меня намного больше увлекают некоторые шедевры ее представителей более раннего периода, как «Просветленная ночь» Шенберга или Соната Опус 1 Берга. Это – на все времена. Равнодушных из «имеющих уши» здесь быть не может.

– «Тени» импрессионистов я улавливаю в прозрачности твоих пассажей. К тому же они красноречивы – сидя в зрительном зале, я словно бы слушал твой рассказ, и мне было интересно.

– На примере того же 4-го бетховенского концерта – там действительно звучат диалоги, но они не выставочные, эти перлы спрятаны как реликвии, хранящиеся в сакральном храмовом тайнике. Очень бережно, но я все же пытаюсь сделать эту завуалированность достоянием зрительного зала. Я рад, что ты это услышал. В мире все больше элитарных слушателей и, наверное, все меньше «массовых потребителей классики». Не вижу в этом ничего дурного. Каждому – свое. Напротив, хорошо, что в определенных зрительских кругах растет уровень вкуса и способность к полноценному восприятию сложных явлений искусства.

– Под занавес нашей беседы предлагаю перейти в ре-

В редкие минуты отдыха

жим блиц-вопросов. Правая рука пианиста держит ритм, а левая отвечает за творческую сторону. Так ли это?

– Даже если мы поменяем местами руки в твоём вопросе, это не так. Каждая рука равно сильно ответственна за музыкальную сущность исполняемого сочинения. Просто функция правой руки более заметна и уловима со стороны, левая же труднее тем, что она помогает музыке менее броско.

– Эпоха классиков во главу угла ставила мелодию, романтики поклонялись гармонии, а кумир современных композиторов – ритм?

– Слишком упрощенный и даже извращенный подход. Это не так. Если мы говорим о рок-н-ролле или роке, то там ритм господствует, но даже там есть намного более важные музыкально-творческие течения. Современная классическая музыка полна всеми составными классической музыки раннего времени.

– Кто из современных грузинских композиторов может претендовать на бессмертие?

– Гия Канчели. Я назвал бы еще несколько имен, но не хочу никого обижать. А Гия Канчели – точно будет звучать в концертных залах, пока они существуют.

Я слежу и за новыми именами, стараюсь быть в курсе событий, талантов хватает.

Handwritten text in Georgian script, likely a dedication or a personal note, written in dark ink on a light background.

ДВЕ АННЫ

■ Заза АБЗИАНИДЗЕ

В одном из номеров «Русского клуба» пятилетней давности (№2, 2010, стр. 16-19) была опубликована статья, посвященная «грузинской главе» в биографии Грибоедова. Имя автора – Анны Николадзе вряд ли было знакомо большинству читателей, а если и было знакомо, ассоциировалось с давно прошедшими временами...

Родилась Анна Константиновна Николадзе в Кутаиси в 1907 году. В семье ее были сильны литературные традиции: писал и переводил с европейских языков ее отец – Константин Яковлевич, а дядя – Нико Николадзе был выдающимся грузинским общественным деятелем и публицистом. Именно он, видя, как его юная племянница зачитывается Достоевским и Гоголем, посоветовал ей избрать своей будущей специальностью русскую литературу. И, действительно, в 1925 году она начинает изучать славистику на филологическом факультете Тбилисского государственного университета. После завершения аспирантуры Анна Константиновна многие годы вела в ТГУ курс истории русской литературы XIX века. Бывшие студенты с восторгом вспоминали ее лекции, а исследователи русско-грузинских литературных связей многим обязаны ее книгам, относящимся к фундаментальным трудам в этой области (см. статью, посвященную Анне Николадзе в Краткой Литературной Энциклопедии – том 5, М., изд. «Советская Энциклопедия», стр. 282-283),

Анна Каландадзе

Все это так. Но академический портрет университетского преподавателя и ученого все же не исчерпывает психологического образа Анны Николадзе: своей романтичностью, фанатичной преданностью искусству, даже своими странностями она олицетворяла тип творческой личности, характерный для начала XX века, который тем глубже уходит в себя, чем меньше соответствует действительность ее мечтам и идеалам.

Поскольку я пишу о своей матери, мне не просто подбирать сравнения и эпитеты: могу сказать лишь, что она была человеком редкой духовности. Это тем зримее проявлялось, чем труднее ей приходилось – в тяжелые годы, когда она практически неотлучно находилась рядом с прикованным к постели мужем, другом и коллегой – известным исследователем грузинской литературы XIX века, профессором Георгием Абзианидзе (1907-1976).

Глядя, как искрилась счастьем Анна Константиновна в те редкие часы, когда ей удавалось выехать за город, на природу, можно было понять, что неожиданное увлечение рисованием на склоне лет было не случайным.

Несомненно, это было спасительным даром свыше. Рисунки заменили ей тот волнующий мир природы, сокровенный дух которой она чувствовала, благодаря своей исключительной духовной отзывчивости. Думаю, именно это проникновение в сокрытую в природе высшую тайну воплотили ее лучшие работы. Рисовала она самозабвенно и если расхожее выражение «искусство ради искусства» связано с конкретными ассоциациями, то, в первую очередь, именно с творчеством Анны Константиновны, которая была счастлива уже тем, что рисует... Будучи на редкость самодостаточным человеком, она, даже в воображении, не отделяла свои работы от «своего пространства» и, кажется, вообще не помышляла о выставках и альбомах...

И, тем не менее, имя Анны Николадзе совершенно неожиданно оказалось в центре внимания грузинской культурной жизни: 6 февраля этого года в Литературном музее открылась выставка ее работ и одновре-

менно состоялась презентация выпущенного музеем при содействии Министерства культуры Грузии альбома «Две Анны».

У этого альбома своя история: первая из «двух Анн» – Анна Каландадзе (1924-2008), со второй половины XX века самая известная в Грузии поэтесса, ставшая культовой фигурой своего времени, представлена в альбоме своей изысканной каллиграфией; вторая – Анна Николадзе представлена в еще более неожиданном для литератора амплуа живописца...

Несколько слов о том, как родилась идея этого «соседства»: когда в конце 60-х годов прошлого века Анна Константиновна начала рисовать, среди редких посетителей самобытной художницы была и ее бывшая студентка Анна Каландадзе, которую связывали с Анной Константиновной самые теплые воспоминания. Одно из них предопределило идею издания «нашего» альбома: в октябре 1950 года 25-летняя выпускница Тбилисского университета ста-

рательно переписала свои стихи в большую, общую тетрадь и преподнесла ее в дар своим бывшим преподавателям, внимательным читателям и ценителям – Анне Николадзе и Георгию Абзианидзе. Так оказалась эта уникальная рукописная тетрадь в семейном архиве. Уникальная, поскольку, по мнению знатоков, представляет собой изумительный образец современного грузинского каллиграфического искусства.

Вряд ли юная Анна Каландадзе могла предположить, что ее рукописная тетрадь, спустя много лет, окажется в Литературном музее; и тем более не могла она вообразить, что к ее 90-летию будет издан памятный альбом с ее рукописными стихами, в соседстве с живописными работами Анны Николадзе, которыми она в свое время так восторгалась.

Более полувека соседствовали в одном доме, в одном пространстве изысканнейшая каллиграфия Анны Каландадзе

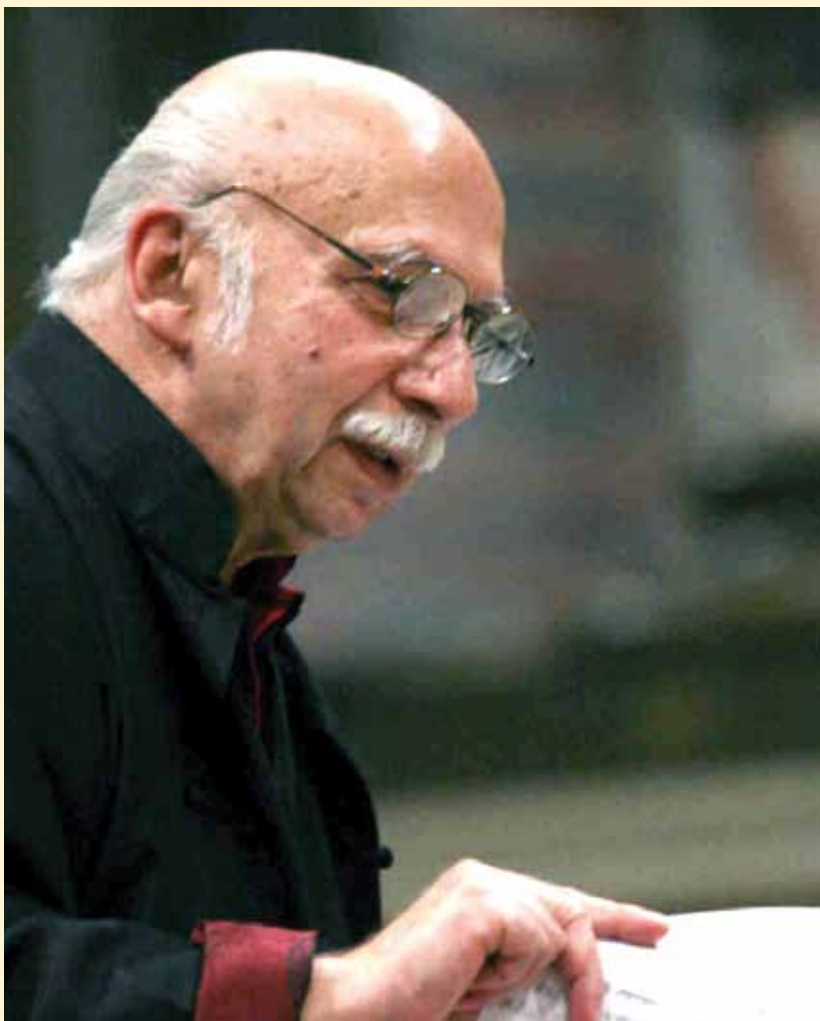
საქართველოს კულტურის მემკვიდრეობის ცენტრი

Анна Николадзе

и поэтические пейзажи Анны Николадзе. Надо ли удивляться, что у наследника этих сокровищ появилось желание поделиться ими и объединить эти два, биографически и духовно связанных имени в одном памятном альбоме...

Так встретились спустя 60 лет две Анны и, ощущая глубинное родство их душ, человек, склонный к метафизике, несомненно увидит руку Провидения и в земной и посмертной встрече двух Анн...

Гия Канчели

ФЕНОМЕН ГИИ КАНЧЕЛИ

К 80-летию композитора

■ Гулбат ТОРАДЗЕ

Гия Канчели – выдающийся грузинский композитор, получивший широкое международное признание. Его произведения исполняются во многих странах мира, им посвящены книги, исследования, статьи отечественных и зарубежных авторов – музыковедов, театроведов, киноведов и т.д.

«Секрет» феномена Канчели в исключительной самобытности творческого почерка, яркой индивидуальности стиля и музыкального языка, позволяющих слушателю сразу же признать автора произведений, к какому бы жанру они не относились. Не буду оригинальным если скажу, в частности, что грузинский композитор сказал свое слово в истории мирового симфонизма.

В прошлом своему младшему другу (сохранилась фотография, на которой изображены четырехлетний, как всегда, строго сосредоточенный Гия и на несколько лет старше – автор этих строк) я посвятил статьи, список которых (естественно, неполный) приводится в известной монографии Наталии Зейфас о Канчели – «Песнопения» (М. 1991).

Для начала – краткая биографическая справка.

Родился Гия Александрович 10 августа 1935 года в семье известного в Грузии врача-педиатра.

В 1959 г. окончил... представьте, не консерваторию, а геологический факультет Тбилисского государственного университета, консерваторию же – 4 года спустя, в 1963 г., по классу композиции проф. Ионы Ираклиевича Туския. В 1971-78 гг. вел педагогическую работу в консерватории (класс инструментовки). С 1971 г. заведовал музыкальной частью драматического театра им. Ш.Руставели. С 1979 г. Гия – секретарь, а в 1984-90 – первый секретарь Союза композиторов Грузии. С 1991 г. живет за рубежом (в Германии, а с 1995 года – в Бельгии в г. Антверпене), периодически наезжая в Грузию, где продолжает сотрудничать с местными музыкальными и театральными коллективами и их руководителями.

Гия Александрович – народный артист Грузии (1980) и СССР (1988), лауреат государственных премий СССР (1976) и им. Ш.Руставели (1981), академик Российской академии кинематографических искусств – «Ника», награжден российской независимой премией «Триумф» (1998) и «премией Вольфа» (2008).

Здесь же упомянем ближайших великих творческих соратников композитора: дирижера Джансуга Кахидзе – первого исполнителя всех его симфонических сочинений, режиссера Роберта Стуруа, кинорежиссера Георгия Данелия.

А теперь расскажем об упомянутом творческом «феномене Гии Канчели», определяющем его выдающееся место в современном музыкальном мире.

Писать о Гии Канчели – задача не только благодарная и привлекательная, но и на редкость трудная и ответственная, и вот почему: Канчели – «звезда первой величины» на нашем, да и не только нашем, музыкальном небосклоне (по количеству исполнений за рубежом он уже давно вышел в лидеры грузинской музыки), едва ли не самый актуальный,

широко дискутируемый художник.

Мало кто устаивался стольких восторженных откликов и оценок, как он, что, впрочем, не означает безоговорочного приятия всего и вся в его творчестве. Критические суждения (правда, в основном, устные) сопровождали премьеры некоторых его сочинений, начиная с вызывающе смелой для своего времени 1-ой симфонии (1966) и кончая талантливой, но и породившей горячие споры (тоже устные!) оперой «Музыка для живых» (1984).

Все это верно, как и то, что невозможно найти человека, равнодушного или же безучастного к музыке Канчели – свидетельство ее истинной творческой оригинальности и самобытности.

Писать о Канчели трудно и потому, что его отличает удивительное богатство творческой палитры: образно-художественной, жанровой, стилистической, психологической. Рафинированный интеллектуальный и чувственный мир симфоний парадоксально соседствует с балаганно-пародийным, порой, прямолинейно-плакатным буйством красок и ритмов его театральной музыки, тщательная выверенность и скрупулезный отбор оркестровых средств – с броской яркостью и пестротой поп-музыки.

Самое же трудное заключается во все еще не разгаданной, как мне кажется, природе симфонической музыки Канчели, хотя за прошедшие годы появился целый ряд превосходных содержательных статей, очерков и исследований, ей посвященных (работы Г.Орджоникидзе, Н.Зейфас, И.Барсовой, Е.Михалченковой и др.), а также многочисленных зарубежных авторов.

В чем секрет массового, я бы сказал, гипнотического воздействия этой яростной и прекрасной в своей самоуглубленной созерцательности музыки, когда слушатель, точно замороженный, следит за перипетиями разворачивающейся перед ним звуковой панорамы. Вот в чем главный вопрос и, должен признаться, однозначного ответа на него у меня нет, как не

нашел я его и у других авторов, писавших о Канчели.

Каждое новое прослушивание музыки Канчели открывает перед нами какие-то дополнительные художественные грани, высвечивает дотоле скрытые, но очень важные детали и нюансы.

Хотя поводом для статьи послужила «круглая» дата жизни композитора, она менее всего располагает к юбилейному славословию, а скорее – к размышлению и осмыслению творческого феномена Канчели. К этому располагают и главенствующий суровый тон его творчества, да и сам человеческий характер композитора, – внешне замкнутый и строгий, но и открытый всем «дружеским ветрам».

Творческий путь Гии Канчели проходит на наших глазах. Поначалу, казалось, ничто не предвещало серьезных намерений будущего композитора. К музыкальному творчеству, как уже было сказано, он пришел в зрелом возрасте (каталог его сочинений открывается 1962 годом, когда ему уже было под 30), пройдя через краткую бурную полосу увлечения джазовым музицированием, послужившим ему как бы «стартовой площадкой» для прорыва в мир большой музыки.

Воспоминания возвращают нас к весне 1962 года, когда на Всесоюзном молодежном смотре в Москве львиную долю призов и наград завоевали дотоле неизвестные широкой музыкальной общественности

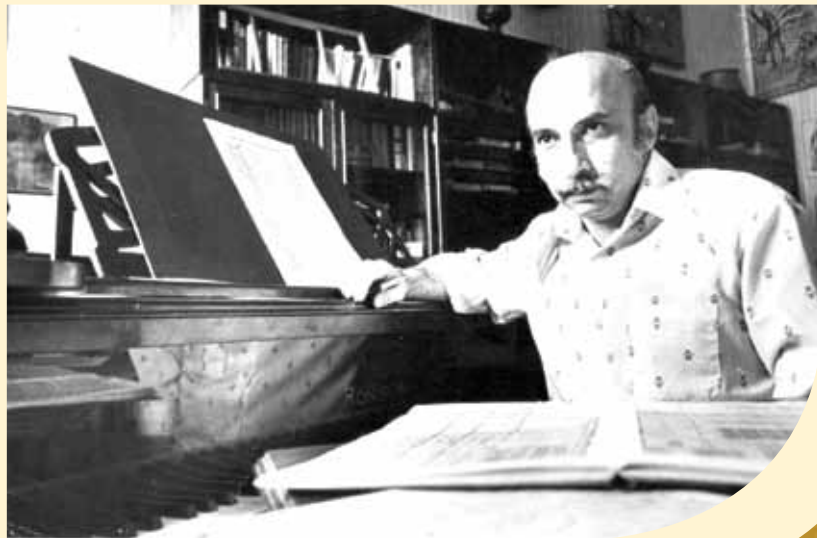
молодые грузинские композиторы. Среди них был и студент 4-го курса Тбилисской государственной консерватории Г.Канчели, удостоенный премии за «Концерт для оркестра». А вскоре последовало еще одно удачное сочинение «Ларго и Аллегро» для струнного оркестра, фортепиано и литавр. В этих ранних произведениях, обращаясь к ним ретроспективно, мы явственно различаем черты зрелого симфонического стиля Канчели.

Дебют молодого композитора был на удивление смелым и уверенным: он быстро постиг премудрости современной техники, обратив на себя внимание развитым, чисто оркестровым мышлением, тонким чувством тембра, умелым конструированием формы.

В журнальной статье невозможно дать обзор даже основных сочинений Канчели, попытаемся лишь раскрыть творческое кредо композитора, проникнуть в сокровенный мир его симфоний, ибо именно они создали Г.Канчели реноме самобытного художника, композитора-новатора.

...Издали, как бы из недр бытия, возникает голос (так и хочется сказать, голос вечности). Он звучит очень тихо, застенчиво, поет о чем-то бесконечно скорбном, и в то же время возвышенно-прекрасном. Но слушатель чувствует: внешняя отрешенность и статика музыки обманчивы, чреватые грядущими потрясениями и звуковыми катаклизмами. И действитель-

В рабочем кабинете

На репетиции с Джансугом Кахидзе

но, тишина взрывается оглушительными, «втаптывающими» ударами медной группы – образ жестокой неумолимой силы. Драматургический принцип противопоставления полярно контрастных пластов сохраняется и закрепляется в центральном разделе симфонии. Следует генеральная кульминация с последующей длительной зоной угасания звучности. Вновь вступает голос, замирая и как бы растворяясь в эфире...

В предыдущем абзаце в самых общих чертах очерчен художественный и эмоциональный контур 3-й симфонии Канчели, но в какой-то мере он характерен и для других симфоний композитора, которых, порой, называют «развернутыми Adagio». Подобная заданность как самой симфонической концепции, так и звуко-образного ее наполнения, не говоря уже о яркой самобытности, позволяет говорить исследователям творчества Канчели о принципиально новом типе симфонической драматургии им созданной, о «симфонизме Канчели».

И действительно, перед нами совершенно новая, ни на что не похожая модель одного из главнейших жанров музыкального искусства. Это симфонизм без внешних черт традиционного симфонического жанра (т.е. обязательного наличия в нем цикличности и сонатного аллегро), но с сохранением его «родового» признака – «непрерывности музыкального тока».

«Как хорошо он слышит тишину», – сказал когда-то

М.Горький о С.Рахманинове. С полным основанием, хотя и с другим смысловым оттенком, мы можем же самое сказать о Канчели. Драматургическая функция хрупких пианиссимо в его музыке действительно не менее важна, чем насыщенных звуковых масс. Но я бы добавил, что композитор великолепно «слышит» не только тишину, но и громогласные оркестровые тутти, подобно грохочущим потокам Ниагары низвергающиеся в зал.

Здесь же следует отметить и удивительное ощущение чистых оркестровых тембров (солирующих инструментов).

Многомерность, объемность, стереофоничность – вот слова, которые часто упоминаются при разборе произведений Канчели. А я бы добавил еще и романтичность, и глубокую человечность музыкального мира симфоний, их гуманистическую нацеленность.

Не знаю, есть ли необходимость говорить о национальной почвенности симфонического стиля Канчели. Ее не трудно распознать в интонационной и гармонической структуре музыки, питающейся древними пластами фольклора и церковно-хорового многоголосия – в самом образном строе симфоний. Именно поэтому у слушателей часто возникают ассоциации с величественными памятниками грузинского зодчества.

Органичность синтеза национального и общечеловеческого всегда отличала лучшие образцы грузинской музыки.

Естественно, что в творчестве Канчели синтез этот осуществляется на самом современном уровне (от Стравинского, Онеггера и Шостаковича до Вареза и Пендерезкого).

И, наконец, об одном очень важном, как мне кажется, факторе воздействия музыки Канчели – интонационной выразительности ее мелодики. Надо сказать, что она не лежит на поверхности, скорее, наоборот: зашифрована в аккордовой вязи, растворена в бесконечно тянущейся линии солирующего голоса (обычно, инструментального). Но человеческий слух, испытывающий бессознательную тягу к мелодически осмысленному интонированию, безошибочно улавливает и «расшифровывает» скрытую мелодическую субстанцию музыки, что, в конечном итоге, и обеспечивает высокий уровень ее эстетического восприятия слушателем.

Означает ли все вышесказанное, что творчество Г.Канчели представляется нам абсолютно бесспорным, стоящим как бы вне критики?

Гия Канчели не нуждается в комплиментах (тем более, неискренних), и я не могу не признать, что по сей день испытываю двойственное чувство от его оперы «Музыка для живых» (1984). В частности, никак не приемлю весь ее обширный гротесковый пласт, пародирующий итальянскую оперу; озадачивающий слушателя и отвлекающий его от основной гуманистической идеи оперы – страниц глубокой, пронзительно искренней музыки. Не случайно, что таким цельным и убедительным получилось непосредственно продолжающее именно эту линию произведение – созданное в 1985 г. «Светлая печаль» (музыка для хора мальчиков и симфонического оркестра), посвященное детям – жертвам войны. Великолепное ощущение тянущегося звука человеческого голоса, отмеченное выше, проявляется здесь с особой силой.

В активе композитора большое количество произведений различных жанров. Перечислим лишь главные из них.

В первую очередь – и хро-

нологически и творчески – это, конечно, его симфонические сочинения, в которых особенно ярко проявился его самобытный композиторский почерк.

Итак, 7 симфоний, среди них №2 «Песнопения» (1970), №3 (1973), №4 – «Памяти Микеланджело» (1974), «воплощающая идею нетленности искусства и возвеличивающая дух художника-творца» (Г.Орджоникидзе), №5 – «Памяти родителей» (1977), №6 (1978 – 1980) и №7 – «Эпилог» (1986), которая выделяется необычной даже для Канчели остротой и концентрированностью трагического чувства и воспринимается как инструментальный реквием, своего рода симфоническое «in memoriam».

По своему образно-психологическому содержанию и стилистическому строю примыкает к вышеназванному произведению четырехчастная «Литургия» («Оплаканный ветром») для большого симфонического оркестра и солирующего альтя (1989), посвященная памяти друга композитора, выдающегося музыковеда Гиви Орджоникидзе (1929-1984).

В музыке «Литургии» воплощены как бы две ипостаси трагического: скорбно-ламентозная и грозно-«апокалиптическая». Партия солирующего альтя лишена признаков виртуозности и даже концертности и несет чисто выразительную, экспрессивную функцию. Начинаясь с тихого стенания соло-альта и пройдя через «круги страдания и боли», произведение завершается короткими речитативными репликами альтя, funebr-альными аккордами струнных...

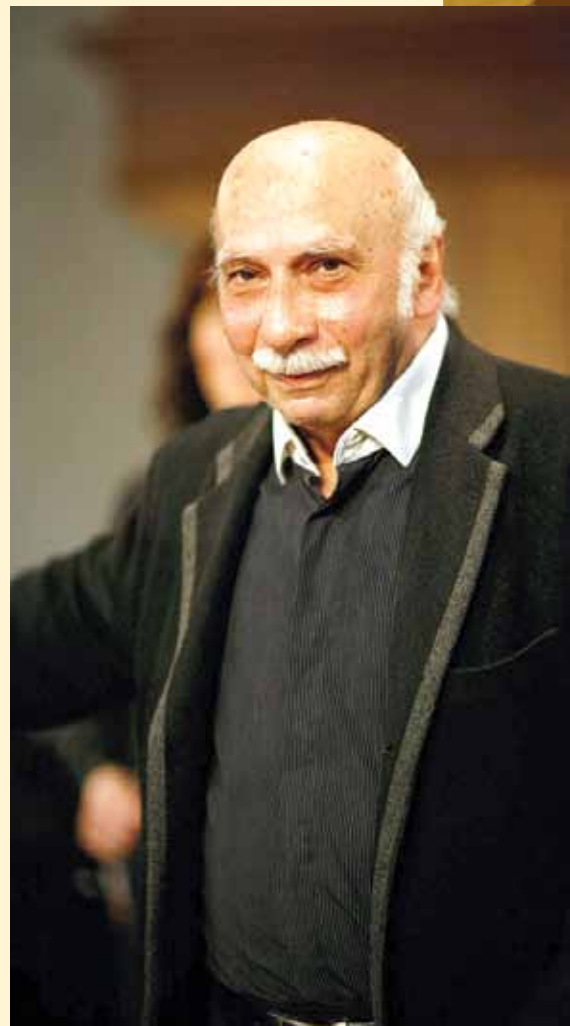
Среди других сочинений, созданных композитором в наиболее значительный период своей творческой деятельности, вплоть до начала нового столетия, помимо вышеупомянутых, должны быть названы: «Abii ne viderem» («Ушел, чтоб не видеть») для струнного оркестра, альтевой флейты, фортепиано и бас-гитары (1992) – с его мрачным трагизмом и напряженным динамическим «нервом», «Lament» («Плач») для скрипки, сопрано и ор-

кестра памяти Луиджи Ноно (1994), «Magnum ignotum» («Великий незнакомец». Понимается как незнакомая для иностранца грузинская народная музыка с аутентичными фольклорными цитатами) для 9 духовых инструментов и контрабаса в сопровождении магнитофонной записи (1994), «Nach dem Weiden» («После плача») для виолончели-соло (1994), «Ночные молитвы» для саксофона, струнных и магнитофона» (1994), «Exil» («Изгнание») для сопрано, флейты и струнных (1994), «Styx» («Река в подземном царстве») для альтя, смешанного хора и оркестра, на слова Шекспира и грузинские народные тексты, посв. Ю.Башмету (1999) – одно из самых трагических сочинений композитора мемориального жанра.

Все эти сочинения (да и другие) имели большой успех у слушателей. Сказанное относится и к более скромным по масштабам, но наполненным волнующим художественным содержанием – «Вальсу-бостону» для фортепиано и струнного оркестра (1996) и «Диплипито» для виолончели, контрабаса и камерного оркестра (1997).

Те, кто ожидали услышать эффектную, эстрадного типа музыку (Канчели ведь «мастер на все руки»!) были удивлены (но никак не разочарованы), ибо произведения эти (особенно, «Диплипито») насыщены глубоким чувством, музыкой, полной ностальгических аллюзий и ассоциаций и вполне достойны пера замечательного симфониста.

Поневоле приходится завершать разговор о «серьезных» жанрах в музыке Канчели, ибо невозможно не сказать хотя бы несколько слов о других, «легких и веселых» произведениях творчески на редкость многоликого композитора, принесших ему громадную популярность в широчайших массах слушателей. Речь идет о театральной и киномузыке композитора. Назовем лишь наиболее известные: музыка к драматическим спектаклям (около 40) – «Ханума» по А.Цагарели (1968), «Кавказский меловой круг» по Б.Брехту (1975),

«Ричард III» и «Король Лир» по Шекспиру (1975-1987), режиссер Р.Стура, и фильмам (около 50) в том числе «Не горюй» (1969) и «Мимино» (1977) Г.Данелия, «Твой сын, земля» Р.Чхеидзе (1980), «Чудаки», «Голубые горы» Э.Шенгелая (1973, 1983), «Несколько интервью по личным вопросам» Л.Гогоберидзе (1978) и др.

Таков неполный перечень сочинений, выдвинувших композитора в авангард (в лучшем смысле этого слова!) мирового музыкального искусства.

Несмотря на прошедшие годы, можно сказать, что Гия Канчели находится в полном расцвете своего таланта. В его рабочих планах – замыслы и проекты новых произведений различных жанров.

Пожелаем маститому композитору долгих лет жизни и новых замечательных творческих свершений!

Панорама Головинского проспекта. 1850-е гг.

«Я трогаю старые стены...» Тифлис: удивительные встречи

■ Владимир ГОЛОВИН

Дж. Доу. Портрет
М. Воронцова в Военной
галерее Зимнего дворца

История каждого города живет в его топонимике. Ни время, ни правительства не властны стереть из памяти людской названия мест, связанные с теми, кто эту историю творил. Редко кому из тбилисцев за годы советской власти приходило в голову называть эту площадь и мост именем Карла Маркса, как и нынешнему поколению – именовать их Саарбрюккенскими. Они навсегда остались Воронцовскими. В честь человека, который прожил в Грузии чуть больше девяти лет, но сумел сделать для нее столько, что иные правители не уложились бы и в десятилетия.

Когда читаешь все, что написано о графе (впоследствии светлейшем князе) Михаиле Воронцове, кажется, что речь идет о двух разных людях. Вот одна из самых злых пушкинских эпиграмм – адресованная его начальнику, новороссийскому генерал-губернатору и полномочному наместнику Бессарабской области: «Полу-милорд, полу-купец, Полу-мудрец, полу-

невежда, Полу-подлец, но есть надежда, Что будет полным наконец». После того, как это четверостишие разошлось по стране, Пушкин уже из Михайловского послал Петру Вяземскому еще один вариант: «Полугерой, полуневежда, К тому ж еще полуподлец!.. Но тут, однако ж, есть надежда, Что полный будет наконец».

А вот – строки Василия Жуковского из «Певца во стане русских воинов». Они посвящены командиру 2-й сводно-гренадерской дивизии, первым из русских генералов пролившему кровь под Бородино, где его солдаты первыми приняли атаки на знаменитые Багратионовы флеши: «Наш твердый Воронцов, хвала! О други, сколь смутилась/ Вся рать Славян, когда стрела/ В бесстрашного вонзилась.../ Ему возглавье бранный щит;/ Незыблемый в мученье,/ Он с ясным взором говорит:/ «Друзья, бедам презренье!»/ И в их сердцах героя речь/ Веселье пробуждает,/ И оживясь до полы меч/ Рука их обнажает».

Не правда ли, возникает совсем иной образ?

Нас приучали к тому, что Пушкин всегда прав. Что ж, в этом случае его можно понять: он уже осознал себя профессиональным литератором и его натура попросту не совместима с чиновничьей рутинной в воронцовской канцелярии. Однако можно понять и графа, поначалу приветливо встретившего перешедшего на службу в Одессу поэта, предложившего ему за просто прийти в гости и пользоваться роскошной библиотекой. Но Александр Сергеевич не только тяготился службой, он, практически не таясь, всю закрутил роман с губернаторской супругой Елизаветой, урожденной польской графиней Браницкой. Избавиться от такого подчиненного, не поднимая скандала, было вполне естественно. Многие советские историки убеждали нас, что Воронцов написал на Пушкина кляузу, после которой тот был выслан в Михайловское. Текст этой «кляузы» практически не публиковался. На самом же деле можно убедиться, что в рабочей переписке с управляющим МИД графом Карлом Несельероде губернатор предельно тактичен:

«Никоим образом я не приношу жалоб на Пушкина, справедливость даже требует сказать, что он кажется гораздо

сдержаннее и умереннее, чем был прежде, но собственный интерес молодого человека, не лишённого дарований, недостатки которого происходят, по моему мнению, скорее от головы, чем от сердца, заставляют меня желать, чтобы он не оставался в Одессе. Основным недостатком г. Пушкина – это его самолюбие... Если бы он был перемещен в какую-нибудь другую губернию, он нашел бы для себя среду менее опасную и больше досуга для занятий. Я повторяю, граф, исключительно в его интересах я обращаюсь с этой просьбой. Я надеюсь, что моя просьба не будет истолкована ему во вред, и убежден, что, только согласившись со мною, ему можно будет дать более средств обработать его рождающийся талант, удалив в то же время от того, что может ему сделать столько зла. Я говорю о лести и о столкновении с сумасбродными и опасными идеями».

Согласитесь, не похоже, что это писал «полу-подлец». Так же, как не мог человек хоть с частицей подлости в характере, отправившись после ранения под Бородино лечиться в свое имение, привезти с собой на лечение около пятидесяти раненых офицеров и свыше трехсот солдат. А когда Францию покидает русский оккупационный корпус, которым Воронцов

командует в 1815-1818 годах, граф выплачивает местным жителям все долги своих офицеров и солдат. Сумма огромная – полтора миллиона рублей. И приходится продать большое имение, доставшееся от тетки, первого президента Российской Академии наук Екатерины Воронцовой-Дашковой. Думается, что и «полу-купец» вряд ли бы сделал такое. Кстати упрекнуть графа в том, что он лишь наполювину умеет вести коммерческие дела, тоже нельзя. Нищий Крым он превратил в край, который, говоря современным языком, стал привлекать инвестиции, обрел курорты, развитое сельское хозяйство и здоровую торговлю. А весьма немалый оклад наместника шел на постоянные премии сотрудникам его канцелярии.

Да и вообще, прежде, чем мы встретим графа Воронцова на грузинской земле, давайте, посмотрим, насколько справедливы и другие характеристики, данные ему обиженным поэтом. Клеймо «полугерой» полностью опровергается «Военной галереей» Эрмитажа, в которой портрет Михаила Семеновича – среди героев Отечественной войны 1812 года. А под Бородино он повел свих солдат в контратаку, крикнув: «Смотрите, братцы, как умирают генералы!» До этого граф отличился

Рисунок А. Пушкина. Елизавета Воронцова

на Кавказе в сражениях с персами, был награжден орденом святого Георгия 4-й степени, при штурме Гянджи под огнем вынес из боя раненого товарища. Командующий армией князь Павел Цицианов (Цицишвили) сообщал, что поручик Воронцов «деятельностью своею, заменяя мою дряхлость, большую мне служит помощью». И подчеркивал его «неустранимость беспримерную, рвение к службе». Да и в сражениях с турками в 1809-м, с французами в Австрии и в Пруссии в 1805-1807-х, как и на Отечественной войне упрекнуть графа в недостаточном героизме никак нельзя.

И мудрецом он был отнюдь не на половину. Считаая, что одной лишь силой нельзя действовать на присоединенных к империи территориях, предпочитал уважение к местным традициям, развитие культуры, экономики, и, как сказали бы сейчас, толерантное отношению к разноплеменному населению. В своих имениях уничтожил барщину и перевел крепостных на положение срочно обязанных крестьян. То есть, по соглашению с ним, крестьяне получали личную свободу, а за использование земли, принадлежавшей бывшему хозяину, платили оброк. Ну а в подчиненных ему войсках он первым в истории русской армии запрещает телесные наказания и объявляет офицеров равными с солдатами перед законом.

О «полу-невежде» же и говорить не приходится. Воронцов получил великолепное образование и воспитание, в совершенстве владел несколькими основными европейскими языками, свободно читал на латыни и древнегреческом. Он глубоко интересовался не только гуманитарными науками, искусством, но и экономикой, военным делом, наукой управления. Его одесский светский салон считался одним из самых блестящих в России. Его личная библиотека была уникальной, и смею уверить вас, что книги он подбирал отнюдь не под цвет обоев. А общественным библиотекам, основанным в управляемых им краях, он передал десятки тысяч томов.

Получается, что истине соответствует лишь «полу-милорд». Отец графа служил послом в Лондоне и при Екатерине II, и при Петре III, и при Павле I, и при Александре I. Так что, Михаил с трех лет до 21 года жил в Туманном Альбионе и навсегда остался англоманом. Что бы ни происходило, всегда вел себя с чисто английской сдержанностью. Ну, а его сестра Екатерина стала истинной леди – вышла замуж за лорда Джорджа Пембрука.

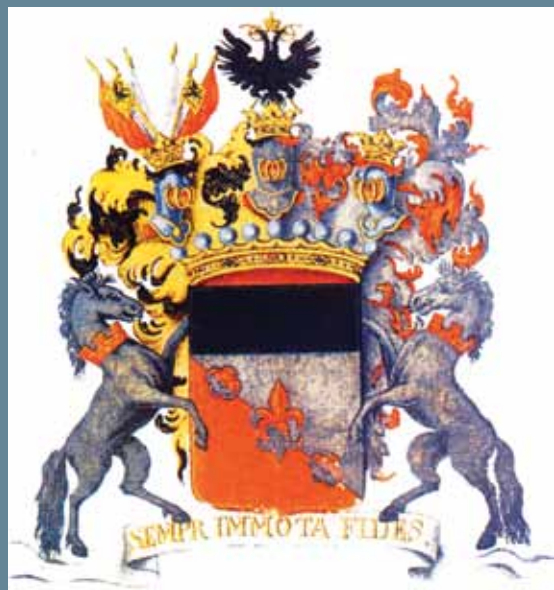
Вот какой неординарный человек приезжает в 1844-м в Тифлис. В том году царское управление Кавказом меняется – исчезает должность главноуправляющего, который приравнивался к генерал-губернаторам внутренних территорий России. Администрацию края возглавляет наместник (заместитель) царя. Он наделен неограниченными правами, подчиняется лишь лично императору, может самостоятельно решать на месте любые вопросы. И первым таким наместником становится Михаил Воронцов.

Впервые он побывал в Грузии более чем за 40 лет до этого приезда. Тогда, в 1803-м, он попросился в действующую армию, убедившись после приезда из Англии, что светская жизнь в Петербурге не для него. В то время Россия воевала только на Кавказе – с персами, и вот уже Александр I адресует князю Цицианову рескрипт: «Лейб-гвардии Преображенского полку пор. гр. Воронцова, желаю-

щего служить при войсках под начальством вашим в Грузии, препровождая сим к вам, поручаю употребить его на службу по усмотрению вашему». Как отзывался Цицианов об этой службе, мы уже читали. А если говорить чуть подробнее, то надо сказать, что в Грузии молодой граф сражается с персами на реке Алазани, в Имерети, в окрестностях Военно-Грузинской дороги. Ему даже доверяют вести с имеретинским царем Соломоном переговоры о вступлении в российское подданство. Минув звание штабс-капитана, он сразу становится капитаном, а служит на должности бригад-майора. И при этом ему еще не исполнилось 25-ти лет.

Но отец и дядя настаивают, чтобы заболевший лихорадкой Михаил вернулся в столицу. И он пишет в одном из писем, что, если бы не это требование, он с радостью остался бы в Грузии: «Я так был во всем счастлив в том краю, что всегда буду помнить об оном с крайним удовольствием и охотно опять поеду, когда случай и обстоятельства позволят». Жизнь позволяет ему сделать это лишь через четыре десятилетия. Генерал-аншефа Воронцова, которому уже 62 года, и который более двадцати лет успешно правит Крымом, Одессой и Бессарабией, император Николай I просит возглавить администрацию на Кавказе (именно просит, а не приказывает!). Поначалу граф отказывается: «Я стар и дряхл; тут нужны

Герб рода Воронцовых

силы свежия, неизнуренныя летами и трудами. Я должен отклонить от себя высокое назначение, которое не в состоянии буду выполнить». Но потом, как военный человек, царю не перечит.

Император считает, что для полного покорения горцев Кавказа потребуется не больше двух-трех лет. И Воронцов, сразу по приезде в столицу края – Тифлис, вынужден не полностью сосредоточиться на гражданском правлении, а руководить военными действиями. Однако поход, предпринятый против Шамиля, заканчивается неудачно. Пленить мятежного имама не удается, войска прорываются обратно с трудом и с большими потерями. Реакцию Николая I можно оценить строкой Андрея Вознесенского: «Авантюра не удалась. За попытку – спасибо». Это «спасибо» выражается в наградах всем участникам похода, а Воронцов из графа становится светлейшим князем. Он делает правильный вывод из случившегося и больше таких «резких движений» не предпринимает. А, встретившись с царем, прямо заявляет, что при существующей военной доктрине Кавказ не покорить.

И царь «развязывает руки» Воронцову – одному из немногих кавказских наместников, убежденных, что по отношению к местному населению необходимо проводить только миротворческую политику. Война становится позиционной, крупные операции сменяются ударами, упреждающими кон-

центрацию отрядов горцев. А места, в которых эти отряды активны, блокируются новыми крепостями, дорогами и просеками в горных лесах. Так создается стратегический плацдарм для победы над Шамилем. И положив конец масштабному кровопролитию на Кавказе, Воронцов принимается за развитие хозяйственной и культурной жизни. Грузия ощутила это в полной мере.

В Тифлисе светлейший князь поселяется, конечно, на Головинском проспекте, где к 1847 году по его вкусу реконструируют здание, заложенное еще при Цицианове.

Через двадцать два года оно будет переделано великим князем Михаилом Романовым, и именно в том виде стоит и поныне. Так что, стены нынешнего Дворца учащейся молодежи помнят несколько эпох. По-старинке его иногда называют «Воронцовским дворцом», но во времена самого Воронцова столь пышное наименование не применялось, говорили просто «дом наместника». В этом доме князь по вторникам и субботам принимал любого, стремящегося к встрече с ним, а снаружи висел ящик, в который все желающие могли опустить письма с жалобами. И на них наместник старался реагировать с максимальной отдачей.

Во многом благодаря этому Воронцов сумел сорвать сговор тифлиских мясников, который сегодня назвали бы картельным – те сговорились резко поднять цены. Именно так он находил подтверждения официальным сведениям о недостат-

ках в работе различных служб. Особое внимание было обращено на донесения о грабежах. Пришлось приказать повесить самых отъявленных грабителей, и то, что мы называем криминальной обстановкой, улучшилось. Причем по всему Закавказью. Вообще он, непримиримый к любым нарушениям законов и правил, карает и проворовавшихся или нерадивых гражданских чиновников, и военных начальников, заставлявших солдат работать на себя, или торговавших «налево» боеприпасами (очевидно, эти болезни российской армии неизлечимы). И во всех своих действиях стремится сочетать твердость и гибкость, с учетом местной специфики. А когда ему рискуют сказать, что не все его распоряжения соответствуют законам государства Российского, следует жесткий ответ: «Если бы нужно было здесь исполнение законов, то государь не меня прислал бы сюда, а свод законов!» Уж он-то знает, сколь несовершенны законы Российской империи, и поэтому предпочитает действовать так, как считает справедливым.

Но главное, конечно, в том, что он – создатель. Опирающийся на многочисленных соратников, добровольно последовавших за ним из Одессы, и на специально приглашенных специалистов, и, конечно же, на местные таланты. Список этих людей обширен, так что, назовем лишь «самых-самых». Геолог и естествоиспытатель Герман Абиш, ставший академиком за работы о Кавказе, картолог Мари Броссе, основавший грузинскую археологию, первый в Закавказье нумизмат и создатель коллекции насекомых Иван Бартоломей, военный геодезист Иосиф Ходзько, создавший триангуляционную региона и организовавший в нем топографическую службу, предприниматель Александр Мейендорф, очистивший русло Куры и открывший на ней судоходство, ориенталист Николай Ханыков, занимавшийся географическими и филологическими изысканиями, художник Григорий Гагарин, расписывавший церкви и составлявший их планы, писатель Владимир Соллогуб, ставший директором первого русского театра... Ну и, конечно, тифлиские таланты – князя Григорий Орбелиани, Иван Андроников, Александр Чавчавадзе, Василий Бибутов, историк Платон Иоселиани, купцы Гавриил Тамамшев, братья Мирзоевы, Атакуни...

Благодаря им всем мы можем сейчас просматривать еще один значительный список – перечень того, что было сделано в Грузии при Воронцове. Царский наместник добился, чтобы продолжали использоваться некоторые положения Кодекса (Уложения) картлийского царя Вахтанга VI и сумел решить вопрос о том, кого считать князем (тавади), а кого – дворянином (азнаури). Около 30 тысяч человек были объединены званием высшего сословия – тавадазнаури, освободившись от необходимости доказывать свое происхождение в суде, получили право избирать предводителя и депутатов в свое Собрание (Сакребуло). Юридически князь и дворянин стали равными, хотя имущественная разница между ними осталась.

Чтобы примирить представителей различных конфессий, Воронцов объявляет, что власть покровительствует местам отправления всех, а не только христианских религиозных обрядов. Он открывает мусульманское училище, разрешает

Павел Цицианов

В. Тимм. Дворец наместника

богослужение раскольникам и помогает переселиться в Закавказье притесняемым в России старообрядцам.

В Грузии начинается внедрение новых сельскохозяйственных культур и шелководства, в ее столице создается Закавказское общество сельского хозяйства, на собственные деньги наместник выращивает и распространяет тонкорунных овец и плодовые деревья. Появляются промышленные предприятия, в том числе фабрики – металлолитейная (в Тифлисе), шелкоткацкая (в Зугиди), суконная (в селе Дреши), стекольный завод в селе Гареве, угольные рудники в Ткибули. Открываются «депо» изделий московских фабрик, выставка местных товаров и минералов, магнитная и метеорологическая обсерватории. Опять-таки на свои средства Михаил Семенович организует археологические раскопки грузинских древностей и создает в Тифлисе музей, реставрирует дворец грузинских царей в Телави.

Основав отдельный Кавказский учебный округ, князь открывает уездные училища, гимназии европейского образца, для девочек из малообеспеченных семей в Тифлисе и Кутаиси учреждаются благотворительные пансионы Святой Нины. А супруга Воронцова, даже уехав из Грузии и овдовев, выдает каждой выпускнице по 200 рублей. Князь создает первую в Тифлисе публичную библиотеку, в основе которой – подаренные им книги. Начинают издаваться первый грузинский журнал «Цискари», газеты «Кавказ» и «Закавказский вестник», Кавказский календарь с историческими, географическими материалами и статистикой. Появляются театры: оперный и драматические – грузинский и русский, для которого наместник просит знаменитого актера Михаила Щепкина прислать из России хороших актеров.

И особенно преображается Тифлис, который так и не восстановился толком после нашествия Ага-Мохаммед хана в 1795 году, и в котором за 40 лет до Воронцова построили лишь несколько зданий, а мостовых практически не было. На-

местник замостил почти весь город, строил мосты, разбивал сады, парки и вообще создал генеральный план перестройки грузинской столицы. Он учредил особую – торговую полицию, и это снизило цены на продовольствие: его продавали сами производители, без всяких перекупщиков.

Вот, каким открывается «воронцовский» Тифлис в 1847 году прибывшему туда на службу будущему генерал-майору Владимиру Полторацкому: «Дома строгой европейской архитектуры красуются рядом с восточными постройками и плоскими крышами... На Головинском проспекте и Эриванской площади здания большие, высокие, прекрасно отделанные, с магазинами всех европейских национальностей, с галантерейными предметами высшей роскоши и цивилизации, а рядом армянский базар, где на узких улицах олицетворялась восточная жизнь, во всех ее подробностях».

А вот воспоминания князя Александра Дондукова-Корсакова: «На левом берегу Куры образовывались целые новые кварталы до самой немецкой колонии со всеми условиями европейского города, особенно с устройством нового Воронцовского моста, взамен прежнего... Модистки из Одессы и Парижа внесли вкус к европейским туалетам, которые постепенно заменяли грузинские чадры, тавсакрави, личаки и шелковые платья, с обычными гулиспири у грузинок... Бедный куафер Blotte, приехавший в Тифлис с ножницами и гребенкой, открыл при помощи жены своей M-me Virginie модную ателье и огромный магазин, с которым в несколько лет нажил большое состояние». А это – о тех, кто окружал светлейшего князя:

«Балы и праздники у наместника и представителей как русского, так и грузинского общества по богатству могли соперничать с обеими нашими столицами, но по роскошной красоте своих женщин они, конечно, стояли гораздо выше. Общество, окружавшее князя Воронцова, было изысканное... не имело того характера местной провинциальной жизни, которая существовала и

существует доселе во всех прочих провинциальных городах обширного нашего царства. Не было тех мелких интриг, тех сплетен, которые делают невыносимой нашу жизнь в провинции... Князь и княгиня... давали пример своею домашней обстановкой простоты и не особенной изысканности. В доме главнокомандующего оставалась та же казенная мебелировка, стол князя, всегда, впрочем, вкусный, не отличался никакою изысканностью, вино подавалось кахетинское или крымское, в походе же и в дороге князь решительно ничем особенно не отличался от прочих, разве только в размерах широкого своего гостеприимства и обаяния своего простого и приветливого со всеми обращения».

Те, кто бывал в этом доме на балах, свидетельствуют, что как только «на средину залы выйдут танцующие пары для лезгинки, то зрители из самых отдаленных комнат бегут в залу, а сам хозяин главнокомандующий бросал партию свою в карты и спешил туда же полюбоваться танцем».

М. Воронцов во время пребывания в Грузии

Кстати, князю по сердцу были не только местные танцы, но и увеселения. Он с удовольствием участвовал в народном празднике-карнавале «кееноба», связанном с победой над персами, «встречая во дворце процессию с мнимым шахом, бросал в толпу горсти серебра». А еще он упорядочил древний кулачный бой «тамаша». Согласитесь, что не так уж часто государь-император вмешивался в развлечения жителей далеких провинций. А тут, по настоянию Воронцова, царь издает приказ о проведении чисто грузинского состязания: «За городом дозволять, но с тем, чтобы, кроме рук, других орудий в драке не употреблять и всегда под надзором полиции, и кончить по данному от оной знаку, когда слишком разгорячатся».

Памятник Михаилу Воронцову, поставленный

Памятник М. Воронцову в Тифлисе

в 1866 году «за особые заслуги в строительстве и развитии Тифлиса» на деньги, собранные грузинским дворянством, не сохранился. Коммунисты снесли его вскоре после прихода в Грузию, в 1922-м. Но мы можем увидеть другие памятники этому человеку – письменные. Один – свидетельство из 1850-х годов писателя и публициста Дмитрия Кипиани: «Во всех делах М.С. Воронцова, и в официальной его деятельности и в частной жизни мы видели одно руководящее правило: это подавлять дурное развитием хорошего. Его богатая административная опытность с чрезвычайной прозорливостью и меткостью отыскивала везде и во всем, хорошее, здоровое начало, выдвигая их на производительную почву, развивая их, подавляя семена зла и вреда». Другой памятник – надпись за стеклом сегодняшней тбилисской маршрутки, где третий пункт снизу (обозначающий площадь и мост) гласит: «Воронцов».

Незадолго до смерти Михаил Семенович ска-

зал сыну: «Люди с властью и богатством должны так жить, чтобы другие прощали им эти власть и богатство». Можно считать, что у Грузии такое прощение он заслужил.

ВСЕПРОЩАЮЩАЯ Музыка

■ Анастасия ХАТИАШВИЛИ

Тбилисский рок-фестиваль Tbilisi Open Air/Alter Vision 2015 оправдал задумку организаторов стать самым масштабным музыкальным фестивалем под открытым небом на территории Кавказа.

Более 50-ти тысяч зрителей и 70-ти музыкальных групп и исполнителей со всего мира – фестиваль проходил в режиме нон-стоп пять дней подряд на территории Тбилисского моря и по праву стал одним из любимых рок-событий в жизни грузинских меломанов.

В этом году фестиваль Tbilisi Open Air, который проводится в Тбилиси с 2009 года, собрал на своих сценах такие знаменитые коллективы, как британские рок-музыканты Placebo, Beth Hart, Black Label Society, Archive, Tiger Lillies, Soap and Skin и другие.

Но на этом организаторы, которые всегда крайне внимательно подходят к вкусовому разнообразию своей аудитории, не остановились. И преподнесли своим фанатам настоящий сюрприз. А как иначе назвать приезд в столицу Грузии Земфиры и Бориса Гребенщикова.

Земфира: талантливый и испорченный ребенок

Земфира, как всегда, стала для тбилисских зрителей настоящим откровением. Эта певица каждый раз открывается для своего слушателя с неожиданной, новой стороны. Исключением не стал и Open Air-2015, где горячо любимая грузинской аудиторией исполнительница в который раз показала, что она не просто музыкант, а личность оригинальная и отнюдь не сла-

бая.

Во-первых, Земфира, как всегда, начала без прелюдий, не удостоив грузинские масс-медиа насладиться традиционной для большинства мировых музыкантов пресс-конференцией. Все было куда проще и в духе Земфиры: а значит, минимально, но мощно, емко и немного с привкусом ностальгии по юности.

Хрупкая, похудевшая и удивительно стройная Земфира, как стойкий оловянный солдатик, пела на ветру. «Так много хочется сказать, но у вас столько ветра, что раздувает все мысли и слова», – оправдывалась певица, оглядывая тысячи людей, пришедших услышать ее музыку. Казалось, что ее «Небо Лондона» пел с ней весь Тбилиси. А потом еще раз на бис. И спел бы еще, наверное, сотни раз.

А Земфира на сцене была, как обычно, раскрепощена, подтанцовывала, пила красное вино и делилась секретами. «Сегодня 170-ый день, как я не курю. Тбилиси – первый город, который слышит меня без сигарет», – признавалась исполнительница, под ритмы своего хита «Сигареты».

Естественно, ни для кого незаметным не прошел тот факт, как Земфира вырвала из рук своих поклонников в первых рядах украинский флаг и довольно размахивала им на сцене. «Талантливым и испорченным ребенком» за этот поступок назвала Земфиру Тина Канделаки. И это высказывание было, пожалуй, самым безобидным из того фейерверка обвинений, которые посыпались со стороны коллег Земфиры, возмущенных выражением певицы своего

мнения на известные события.

Но Земфира потому и нравится многим, что ведет себя так, как сама считает нужным, а не так, как хотят этого окружающие. И дарит своим поклонникам невероятную энергетику своей музыки и их же эмоции, давно вплетенные в тексты ее бессмертных песен.

Борис Гребенщиков: Я бы с удовольствием жил в Грузии

А легендарный «Аквариум» и его бесменный лидер Борис Гребенщиков подарил Грузии совсем другую историю. В отличие от Земфиры, Борис Борисович, наоборот, принял грузинских журналистов с распростертыми объятиями, позволив им спрашивать о чем угодно и сколько угодно. А хотелось узнать о многом – о переменах в музыке, свободолобии и приоритетах, новом творчестве и влиянии на него глобализации.

БГ был исчерпывающе лаконичен, пугающе галантен и обаятелен. Еще бы, российский музыкант не поспешил на похвалы грузинской земле и ее жителям. Более того, Гребенщиков признался, что в Грузии ему нравится буквально все.

– И я с удовольствием бы здесь жил. Последовал бы примеру моего собрата Женьки Федорова (питерский музыкант) и переехал бы сюда. Но, к сожалению, дела меня не отпустят, – поделился с представителями грузинских СМИ музыкант.

Не упустила возможности задать вопрос Гребенщикову и ваша покорная слуга.

– Вы выступаете в Грузии уже не впервые. И, наверняка, уже неплохо знаете грузинскую публику. Как вы считаете, какая она? – поинтересовалась я у Бориса Гребенщикова.

– Очень любящая, очень интеллигентная, – ни минуты не раздумывая, ответил БГ. – Это мои ощущения. Я не шучу и не говорю комплименты.

Борис Гребенщиков

Земфира

Кроме того, музыкант добавил, что главная особенность грузинского слушателя – это то, что он слушает музыку душой. Так произошло и на его выступлении в рамках фестиваля Tbilisi Open Air 2015.

А после были не менее душевные встречи с местными, грузинскими музыкальными находками. Особенно ярко прошли концерты рок-групп The Bearfox и коллектива Loudspeakers. Эти молодые, талантливые и перспективные ребята стали настоящими героями последнего дня фестиваля.

Завершил его знаменитый британский альтернативный коллектив Placebo. Хотя до выступления гитарист группы и немножко набедокурил. Дело в том, что после разрушительного наводнения 14 июня, унесшего жизни до 20-ти жителей Грузии, гитарист Placebo Стефан Олсдал неудачно пошутил в интернете. Он выложил у себя в микроблоге фотографию сбежавшего из тбилисского зоопарка бегемота. Не углубившись в подробности трагедии, музыкант подписал фото текстом: «Не могу дождаться, когда присоединюсь к этому цирку». Чем и обидел грузинских поклонников. Впрочем, скоро гитарист поспешил извиниться.

Инцидент был полностью исчерпан, когда Placebo пожертвовала свой гонорар на восстановление грузинской столицы после наводнения. Жест был принят, необдуманная выходка музыканта прощена. Placebo выложился на грузинской сцене по полной. Позже британские музыканты назвали эту ночь в Тбилиси «сумасшедшей», а грузинских слушателей сердечно поблагодарили за любовь и позитивную энергию.

На такой всепрощающей, стирающей условности и границы энергичной ноте в столице Грузии завершился еще один музыкальный фестиваль под открытым небом, оставив приятное послевкусие ярких моментов и надежду на будущие прекрасные встречи.

Виктория Чаликова

ДЕВОЧКА ИЗ ТБИЛИССКОГО ДВОРИКА

■ Анаида БЕСТАВАШВИЛИ

Я познакомилась с Викой Чаликовой в 1988 году после трагических событий в Сумгаите, когда четыре женщины-москвички собрались в редакции «Литературной газеты» и решили создать комитет помощи беженцам-армянам. Это были – ближайшая сподвижница Андрея Сахарова, известнейший философ и социолог Виктория Чаликова, правозащитница Светлана Ганнушкина, журналист-публицист Лидия Графова и в этом списке мне как-то неловко называть себя, но я была с ними с первого дня создания комитета «Гражданское содействие», который по сей день под председательством Светланы Ганнушкиной помогает в Москве беженцам из разных точек бывшего СССР. Могу смело сказать, что нас поддерживали лучшие из лучших, в их числе Елена Георгиевна Боннэр.

Кабинет Лидии Графовой в здании «Литературной газеты» превратился в настоящий штаб, почти круглосуточно решавший проблемы, которыми государство заниматься не желало, закрывая глаза на горе и ужас тысяч и тысяч обездоленных, измученных людей, приехавших в столицу в поисках защиты и справедливости. Мы договаривались с больницами, гостиницами, направляя оставшихся без крова стариков, беременных женщин, инвалидов. Добывали лекарства, помогали оформлять документы, старались хоть как-то обустроить и одеть всех, кто бежал, не взяв с собой ничего. Конечно, говоря о Сумгаите, я имею в виду последовавшие

за ним армянские погромы в других городах Азербайджана, включая Баку. Пошли навстречу нашему комитету зарубежные посольства, предоставляя статус беженца тем, кто устав бороться, предпочел отъезд. В этой трехлетней эпопее Виктория Чаликова, имевшая огромный авторитет и располагавшая полезным кругом знакомств, принимала самое активное участие.

Наша дорогая Вика мгновенно приковывала к себе внимание – по-детски распахнутые миру, сияющие глаза, светлые летящие волосы, хрупкая стремительная фигурка, редкий ораторский талант. В первые же полчаса нашего знакомства мы с ней выяснили, что обе из Тбилиси и у нас очень много общих воспоминаний о людях, домах, улицах и нравах нашего любимого города. Поэтому не трудно себе представить, как много мы с ней говорили о трагедии в Тбилиси в апреле 1989 года.

Чуть позже Вика рассказала мне, что ее настоящая фамилия Шарикян (дед писался Шахрикян), но, когда в 1937 году отец Вики Атом Шарикян был репрессирован, двухлетнюю девочку спрашивали, как ее фамилия, она могла только выговорить «Чаликова» – так она и вошла в историю культуры XX века. Настоящий убежденный страстный борец за демократию (боюсь, что сегодня в России таких уже не осталось), Вика уже в 80-е годы писала о том, о чем многие боялись даже думать и мечтать. Ее яркие статьи привлекали внимание не только глубоким пониманием проблем, не только полити-

ческой остротой, но и абсолютно очевидным литературным даром.

В те же годы я познакомилась с любимой дочкой Вики Галей Чаликовой. Мне кажется, она унаследовала от своей матери если не все, то очень-очень многое. И прежде всего – безграничную любовь к страдающему человеку. Не случайно, именно Галя стала основателем детского фонда «Подари жизнь» и участвовала в создании первого хосписа в Москве. Галя ушла из жизни в 2011 году от той же, пока что неизлечимой болезни, которая разлучила нас с Викой в 1991 году. Вика перенесла

две операции в Москве, а потом мы проводили ее на лечение в Германию. Виктория Атомовна Чаликова скончалась и была похоронена в немецком старинном городе Гамбурге. Галя мне рассказывала, что гроб матери везли на средневековом катафалке в сопровождении монахов в длинных, перевязанных веревкой рясах. Отпевал ее православный священник. В моем воображении до сих пор сохранилась картина этой скорбной процессии. В прекрасной и трагической судьбе Вики я вижу некую последовательность: тбилисская армянка, никогда не забывавшая о родном городе,

русский философ, боровшийся за права человека, и истинно европейский человек, погребенная в Европе.

Галя Чаликова успела получить лучик любви и света из Грузии. Случилось так, что она с тогда еще маленьким сыном оказалась в Голландии. Я знала, что в Амстердаме живут родители одной из моих студенток – сестра замечательного поэта Бидзины Миндадзе Кетино с мужем Гиви Гвердцители. Это были необыкновенные люди, Царство им небесное! Я позвонила Гиви, он встретил на вокзале Галю с сыном и привез их к себе в квартиру. Мальчик, ложась спать, увидел под кроватью приготовленный для него сюрприз – детский поезд. Когда Галя рассказывала мне об этом, вернувшись из Голландии, в ее глазах стояли слезы благодарности. А я сейчас, вспоминая об этом, думаю – ведь это наш любимый детский поезд из Муштаида заехал в такую даль для того, чтобы забрать светлые души Вики (а теперь уже и Гали) в теплый солнечный город.

Когда Вики не стало, я попрощалась с ней на страницах газеты «Демократическая Россия» (№ 11 (17), 1991, 7 июня, стр.13). Поскольку это теперь библиографическая редкость, позволю себе повторить слова скорби и вечной памяти. Вики нет с нами почти четверть века, в этом году ей было бы 80 лет, но перед моими глазами по-прежнему стоит хрупкая девочка из тбилисского двора, одновременно веселая и печальная, мудрая и наивная, гордая и уязвимая...

ВСПОМИНАЯ ВИКУ ЧАЛИКОВУ

Не стало Виктории Чаликовой, и наше правозащитное и освободительное движение потеряло одного из самых отважных, честных, самоотверженных борцов.

Никогда не забуду выступления Вики в апреле 1990 г. в скромном зале, где проходил вечер памяти жертв геноцида армян 1915 г. Вика говорила о

геноциде 1988-1990 гг., так и не получившем надлежащей политической оценки со стороны руководства СССР. Одна из первых подняла она свой голос в защиту беженцев. И затрагивая проблему, которую правительство упорно замалчивало, она прежде всего говорила о нашей вине и нашем нравственном долге перед теми страдальцами, которые потеряли все – родных, близких, кров над головой... Работать она продолжала до последнего дня своей недолгой жизни. Точнее, до последних трех дней, когда она уже почти не приходила в сознание и лишь перед самой кончиной вдруг открыла глаза и внятно сказала не отлучавшемуся от ее смертного одра священнику:

«Передайте, что я всех очень люблю...»

P.S. Не могу не выразить особую благодарность главному редактору журнала «Русский клуб» Александру Сватикову за идею и организацию публикации мало кому известной прозы Виктории Чаликовой и за возрождение ее драгоценного имени в памяти читателей разных поколений.

В Ботаническом саду

Тифлиссский дворик

Воспоминания в жанре идиллии

А если я порою кружева
Накручиваю на свои слова –
Так это от любви.
Что ж в том дурного?

Б.Окуджава

■ Виктория ЧАЛИКОВА

Значит, где эта улица, где этот дом? Улица эта в Тбилиси, улица эта на границе, на границе Европы и Азии. Гряда гор посреди города – и, прилепившись к этой гряде, старые районы, набережная Куры, улочки старого Тифлиса, а дальше – к плато, к озерам – современный город. И между ними наша улица. В горах начинается улица: ее последние переулки, закоулки карабкаются к горной деревушке, а впадает она в Мейдан. (Это тот старый Тифлис, который все видели в кино.)

Так вот: на углу одной из улиц, впадающих в Европу, и нашей, спускающейся с гор, стоит дом. Район наш – в прошлом центр старого Тифлиса – Сололаки, а улица – бывшая Бебутовская. С лица – это нормальный европейский дом. Сололаки был застроен в прошлом веке богачами, застроен домами каменными, ампири-

ми, с аккуратными железными балкончиками, с подъездами, как везде. Но это только с лица. А если пройти в тоннель нашего двора, попадаешь в дом с изнанки. А изнанка эта – азиатская. Длинные, круто заворачивающиеся на четырех углах деревянные балконы – галереи, они опоясывают наш дом изнутри ярусами, нависшими над маленькой площадкой двора, и на эти ярусы открываются двери комнат. В четырехугольном дворе – каждый камень отдельно. Росло там единственное дерево, которое цвело ярко-розовыми цветами. С каменной – пологие ступени, калитка открывается на балкон. Резные столбики, облупленная краска, и все это горячее от солнца – только на балконе и жило солнце, в комнаты к нам оно никогда не попадало, потому что к нашим двум ярусам незадолго до моего рождения пристроили

третий ярус, и он закрыл от нас солнце, которое раньше было с гор. На третьем ярусе в закрытых застекленных галереях, в глубоких многокомнатных квартирах жили, как говорила моя бабушка, «болшие человеки». Вход к ним был только из Европы, с улицы, с подъезда. Во второй ярус можно было попасть двояко: или через двор, деревянную лестницу и калитку, или по лестнице подъезда. А в наш первый ярус можно было войти только со двора. Так сразу и виделась жизнь – трехъярусная.

Мы иногда ходили к одному «большому человеку», он был учеником расстрелянного в 1937 году мужа моей тети, и, как только я входила в подъезд с его мраморным холодом, пустынностью, безлюдностью, меня охватывало ощущение другого мира.

А вы, значит, хотите, чтобы

я вам рассказала о мире моего двора? Выдала тайну дворового детства, тайну тифлисского двора, да? Никакого зловещего оттенка в этих словах я не улавливала и не уловлю до сих пор, так как слово «двор» для меня пронизано добротой, солнцем, теплом, светом. Так и в словах «дворовые мальчики», «дворовые девочки», «дворовая жизнь» не улавливаю ни термина, ни метафоры.

Мне не хочется выдавать эти тайны. Когда их назовешь, то все исчезнет, а я думаю, что мы все, выросшие в этих дворах, живы теми давними заветами. Я думаю, эти тайны были связаны с пространством и со временем. Я читала, что двор замыкает мир, сужает, я этого не вижу. Он скорее сжимает, концентрирует жизнь, умудряясь ее при этом расширять и углублять. Двор подобен книге. Если иногда говорят, что книга благороднее жизни, то ведь в том смысле, что жизнь в ней заведомо интенсивнее, ярче, чем она есть, символичнее, абстрактнее и за счет этого заведомо благороднее, даже если это страшная черная книга. Двор в этом смысле – книга. Жизнь, стянутая на маленький кусочек, так сгущена, что в ней появляется свечение. Двор создает иллюзию жизни, которая лучше ее самой, ярче: и тифлисская, и московская.

Да, у меня «двухдворное» детство. Как и все дети, потерявшие отцов, матерей в конце 30-х годов, я росла у родственников, которым трудно было нас с сестрой прокормить в военное и послевоенное время, я кочевала из московского в тифлисская двор. Я любила оба двора. В тифлиском крохотном дворике, я, конечно, тосковала о свободных пространствах наших московских дворов. Я росла в Марьиной роще, и площадкой наших игр были дворы, которые тогда шли от Тузовки до Останкина. Если мы играли в «казачков-разбойников», то полем ловли объявлялась вся марьино-рощинская пойма. И как-то

мы играли целый месяц, пока все не разъехались по лагерям, и «казачки» так и не поймали «разбойников». В «12 полочек», в «штандер», прятки – было где развернуться. А театр Красной Армии, тогда расцвеченный в цветах маскировки разными красками, был для нас тоже продолжением двора. Когда везде еще лежал снег, на его пролетах уже можно было прыгать через веревку.

В этих дворах я бывала и в три года, и в пять лет, и в семь, и в тринадцать, и в двадцать. В разные возрасты, в разные времена года – и в голодные, страшные, но день двора, особенно тифлисская, я помню как один длинный, жаркий и розовый от цветов того единственного дерева. И то, что это вспоминается как один день, один год, связано с его второй тайной – тайной времени. Дети чувствуют бег времени очень остро и драматизируют его больше, чем взрослые. У меня в детстве был такой парализующий страх смерти, какого не было уже никогда, даже когда я реально умирала взрослая. Во дворе жизнь была устроена так, что этот страх перед временем, чужим, несущимся, никак не означенным, не названным, обезличивающим, – этот страх

исчезал.

Утро. Мы спим. Часов звучащих, говорящих почти ни у кого не было. Вы, наверное, догадываетесь, что на первом ярусе жил народ небогатый. Были наручные часы – они вечно спешили или отставали. И одно из первых путешествий ребенка к тете Маро или тете Марго: «Пойди, моя жизнь, узнай, сколько времени». Но это бывало редко. Мы всегда знали, сколько времени. Мы просыпались не по солнцу, которое в наши комнаты не входило, а по Сумбату. Досматриваешь сон, и в этот сон входит голос, совсем не громкий, но вполне владеющий пространством двора, древний, поющий протяжно одну строчку: «Яйца, яйца, е-е-е», потом останавливается (но это еще снится во сне) – и просыпаешься, а он поет снова. Больше двух раз он никогда не пел и никогда не выговаривал «есть». Надо ли говорить, что с последним «е-е-е» мы, малыши, были на балконах и дерево прикасалось к босым ногам. Наверное, тайна тифлисская двора еще и в том, что в каменном доме балкон все равно деревянный. И эта деревянность дерева – она всегда с тобой. Ты городской человек, но с момента пробуждения

наступаешь на дерево, прижимаешься к дереву. Мы еще так малы, что до перил достать не можем, но балкон-то резной – там кружочки и выемки, и в это окошечко виден серый человек, серый и стеганый, в чем-то напоминающем телогрейку, старый и всегда одинаковый – и зимой, и летом. Ровно в семь часов песней своей, как ключиком, он отпирает жизнь. Сразу на первых двух галереях (третий этаж спит) вспыхивают цвета: голубые, желтые, лиловые, красные халаты. Хозяйки сбегают по ступенькам и бегут по двору – только мелькают чусты (тапки с огромными помпонами) и раскрываются крылья халатов. Выстраивается очередь к Сумбату. Извлекаются из его огромных сумок яйца, каждая хозяйка берет яйцо в ладонь и просматривает на солнце, проверяя на свежесть. Яйца у Сумбата сегодняшние, только его курами снесенные,

но это просматривание – ритуал, он означает приобщение к высокому уровню хозяйственности. И над двором висит слово «хурда». «Хурда» – значит «сдача». Если хурды не было, Сумбат молча кивал (он никогда не произносил ни одного слова), так же он кивал, если у хозяйки не было денег. Причем она всегда пускалась в многословные объяснения по поводу того, почему у нее нет денег: была свадьба или она выслала сыну в Москву, при этом рассказывалось, какой сын, как учится, какая у него девушка. Сумбат все молча выслушивал и уходил. И в следующем дворе уже раздавалось: «Яйца, яйца, е-е-е». Как ему удавалось, я не знаю, начинал он свой путь с гор в пять утра, в нашем дворе всегда был в семь, и по нему сверяли часы.

Уход Сумбата со двора означал начало дня. Женщины будили детей, мужей, и везде слышалось: «Вставай, вставай, Сумбат уже был». И двор поднимался, и двор завтракал шумно и как-то сообща, делясь, одалживаясь, угощая и угощаясь. На балконах шипели керосинки, вода лилась в кухнях, похожих на какие-то страшные катакомбы – черные кухни с вывороченным полом, с железной раковиной, зияющими дырами. Сын дворничихи Серож выходил из подвала (ведь в подвалах тоже жили люди), залезал под «крант» и долго мылся. Под этим «крантом» и люди мылись, и горшки, и ковры, и шерсть стиралась. Весь двор сверху донизу прошивали крики: «Морковка чунес?», «Вермишели момеци, ра?» И это не только не было стыдно, но это было нужно так: просить друг у друга.

Дети выбегали на балкон с недоеденным куском, за ними – мамы. Эту картину надо было видеть. (Конечно, так было не в военные годы, когда весь двор голодал, – раньше или позже). За толстым, круглым ребенком бежит его армянская или грузинская мама и, раздирая на себе волосы,

плача, говорит, что она похоронит папу, похоронит дедушку, бабушку, она сама умрет, если он не съест эту ложку гоголя-моголя: «А что, у меня два ребенка? Что, я буду жить без ребенка?»

Ровно в восемь часов раздавался молодой хрипло-звонкий голос: «Мацони! Молоко!», появлялся загорелый парень, и опять к нему сбегались хозяйки. Молоко, я думаю, было символическое, для рифмы, как и многое в этой жизни. Я ни разу не видела, чтобы кто-нибудь приносил во двор молоко, чтобы кто-нибудь его купил и вообще пил. Но кричалось именно так: «Мацони! Молоко!» Мацони был в баночках, желтый или белый, с пеночками. При этом обязательно говорилось, что желтый – это «камечис», буйволиный, и что камечис очень полезный: в 1936 году тетя Тамрико от него вылечилась. Уходил «Мацони! Молоко!». Появлялись ослики, наши любимцы. Мы сбегались их гладить. Серенькие, бархатные ишачки, у которых на спине висели пестрые полосатые сумки, а над ними голоса, голоса: «Яблук! Вашли! Вашли! Яблук! Легви! Инжир! Легви! Кизил! На варенье! Кизил-швинди!» (Кричали на тройном языке: русско-армянско-грузинском, но наций во дворе жило больше: еще евреи, курды, немцы, поляк и азербайджанец).

«Хорошие хозяева», конечно, ходили на рынок. «Хорошие хозяева» – это те, у которых были силы, время. А на нашем первом этаже хорошие хозяева не жили. На рынок мы, конечно, ходили, но не так часто, и поэтому мы покупали все у разносчиков. Эти разносчики были и часами нашими, и посредниками.

После завтрака на балконы выносились лоханки и протягивались от столбика к столбику через весь двор веревки. Я всегда ощущала эти постоянные стирки и развешивание белья (какое было, с латаными простынями) от балкона к балкону, как откровенность и чистоту жизни. С утра до вечера

в мыльной пене копошились женские руки и на перила с утра выбрасывались одеяла, простыни, подушки, хлестались венниками паласы и мылась войлочная шерсть. Было такое чувство, что вся жизнь постоянно моется, стирается и просушивается.

Приходили иногда очень странные люди. Например, в час дня, когда было уже очень жарко, появлялся настоящий оперный певец. Очень высокий, весь разноцветный, с галстуком, поворачивался лицом к верхней правой галерее, медленно поднимал правую руку, повышал голос, пел: «А-р-и-о», потом останавливался – и скороговоркой: «Мелкий товар», потом еще раз: «А-р-и-о, мелкий товар». На шее у него висел ящик. Из ящика высывались тесемки, резинки, нитки, иголки, ножницы и какие-то непонятные вещи. Перевести первое слово? Просто запев. И вот этот «А-р-и-о, мелкий товар» был всегда поводом для рассказа наших бабушек о кинто, какие они были, как сватали и воровали девочек, как на свадьбы приносили и кидали посередине двора живую рыбу-цоцхали. И рассказы были каждый раз одни и те же. Приходил мороженщик. Молодой красивый парень с ящиком на груди. С улицы врзалось в раскаленный день: «Марожни! Марожни! Масковски! Горячи!» Сидя на ступеньках, мы понимали, что московский и горячий – это, конечно, самое лучшее. Мысль об иронии и пародии нам в голову не приходила. Я не уверена, что она приходила ему в голову, возможно, он просто так простодушно рекламировал свой товар.

Под вечер приходил наш любимец и враг всех родителей: «Бутилки покупаю. Бутилки! Баты-буты на бутылки!» Баты-буты – это воздушная кукуруза. Она бывает или «на стакан» – бело-желтая, или шарами, малиново-красными, слепленными из этих хлопьев. Эти шары, по убеждению наших бабушек и мам, покрывались ядовитой

краской, поэтому нам не разрешалось их есть, но мы бежали напропалую со своими бутылками, пихали их разноцветные шары. Голос у него был такой звонкости, что, когда он спускался уже к нижним кварталам, все еще слышалось: «Бутилки покупаю. Бутилки!»

Иногда приходил особенный человек. Он единственный исчез куда-то в пятидесятых годах. Он приходил с шарманкой. Имя у него было какое-то странное, но вспомнить его не могу. Оно было совсем не русское, но не армянское и не грузинское. Занимали свои места на ярусах дворовые жители. И даже открывались иногда окна третьего яруса и там появлялись чьи-то головы. Пел он только две песни, собирал монеты в шапку и уходил. Я была уверена, что он поет про свою жизнь и свою любовь. Я думаю, это мое чувство разделяли и взрослые. Я забыла, как его звали, но помню мелодию одной песни и слова. Он пел:

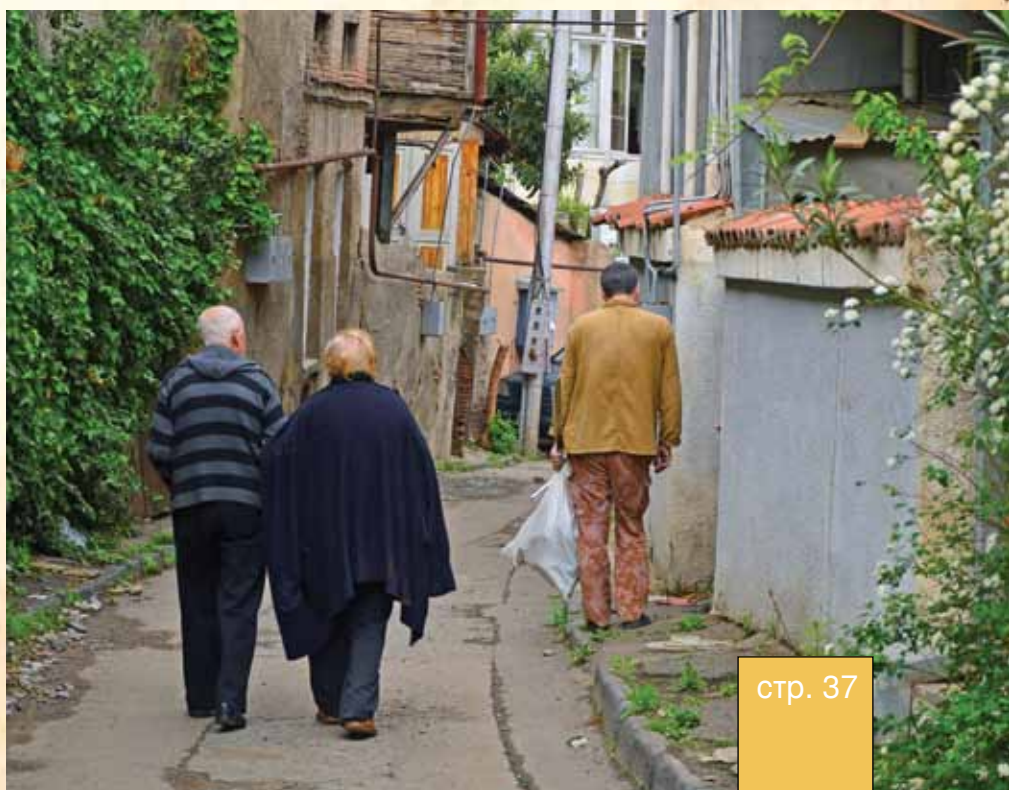
*Любил я очи голубые,
Теперь люблю я черные.
Те были милые такие,
А эти непокорные.*

Меня это каждый раз уязвляло несправедливостью. Как всякий ребенок, выросший сре-

ди черных глаз, черных усов, я любила только синие, голубые глаза и вообще все светлое и северное.

Игры? В этом дворе особенно не поиграешь – ни в футбол, ни в волейбол. Нельзя было играть в классики: чертить было не на чем – острые камни. Невозможно было и прыгать. Все московские игры там были забыты. Но у нас были другие игры: мы играли в «дом-дом» (здесь это называлось «дочки-матери»), «испорченный телефон», «кольцо с места». И мы, дети этого двора, живущие среди ярких проявлений эмоций, тоже росли с пылкими чувствами.

К тому же ярусный двор был естественным театром. Мы иногда устраивали представления. Прятались за лестницей, выходил конферансье и объявлял «украинский танец» (почему-то обязательно украинский. Я не помню, чтобы мы танцевали лезгинку). А в ярусах сидела публика. В первом ряду, на стульчиках, придвинутых прямо к перилам, бабушки и очень редко дедушки. Бабушки были древние, закутанные в шали, иногда в четыре-пять шалей. Моя бабушка носила какое-то бесконечное количество шалей и юбок, состоящих, в основном, из дырок, которые, я помню, терзали мое сердце.

И я на свой первый гонорар (школьный, за частные уроки) купила ей всего свежего и нового, всяких ситцев. Но я не оценила той гордости и значительности, которая была в этих одеждах. Моя бабушка, совершенно слепая, на ощупь поняла, что это ситец: «Как? Чити (ситец – по-грузински). Мне? Дочери Жоржа Карлет? Чит!» И она приподнимала юбки: «Это лионский шелк. Это бостонский гарус», – показывая на свои дырки. За этими величественными бабушками сидели наши мамы, тети, облитые слезами умиления. А за ними стояли мужчины, в военные и послевоенные годы редкие. Для этого случая они даже переставали играть в нарды.

Иногда двор прорезал крик. Тот человеческий крик, которым все кричат у себя дома, которым мы все кричим, когда приходит горе. Не то, чтобы он звал на помощь. Просто крик ужаса или отчаяния. Но сейчас же все двери распахивались, и все летели по ступенькам. Однажды утром я проснулась от крика, который был прямо над нашей головой. Женщины в ночных рубашках уже на втором ярусе, в комнате тети Маро, самой нарядной женщины во дворе. Она сидит и держится рукой за шею – ее укусил скорпион. Помню другой крик, ночью, с противоположного балкона, где жила красавица казачка, жена старого армянина (он привез ее с фронта, свою связистку). Опять все к ней, у нее на руках бился в судорогах ребенок, и вдруг он успокоился. Все стали объяснять, что «дети так знают», что это пройдет и чтобы она всегда нас звала. Я помню, как тетя моя закричала тоже, когда пришло письмо, что брату моему на войне руку оторвало. И как-то не было разницы. Тетя моя была бестужевка, петербурженка,

интеллигентная женщина. Она кричала так же, как кричали простые женщины, приехавшие из деревни. И тоже все сбежались, и все плакали из-за руки московского племянника, которого никто не видел, и все говорили: «Какое счастье, что рука левая».

Когда я думаю, почему мы – дети, обделенные с самого начала, иные без отцов и матерей, униженные бедностью, странной одеждой, которую мы носили – выросли все-таки, наверное, даже более веселыми и беззаботными, чем могло быть, я вспоминаю не только о тетях и дядях, ставших матерями и отцами, но и о дворе. Он создавал для всех, для самых даже неимущих, иллюзию какого-то избытка, изобилия бесконечной любви, любви ни за что, ни про что, просто за то, что ты существуешь, живешь. Ты был ребенком, любить тебя было приятно.

Совсем маленькому человечку, который лежит сначала в колыбели в окружении родных лиц, наверное, надо из маленькой колыбели попасть в большую. Этот двор и был такой колыбелью.

Я уже постарше. Вот бежишь из школы, в одной руке портфель, в другой – чернильница (мы носили с собой эти стеклянные чернильницы), в летнем платье коротком (формы тогда не было), и со всех балконов навстречу тебе голоса. Это чьи-то чужие мамы, тети, бабушки, дедушки зовут: «Солнышко! Цавт танэм! Хогуд мернем! Шени чириме! Генацвале!» (Как это перевести? «Твою боль возьму!», «Твоя рана мне!» – но это ведь не предложения, а слова, вроде «милая», «светик»). «Какой отметка получил? Хороший отметка получил?» Наспех вскидываешь ладошку, показывая, какая отметка. И вызываешь страстный перекрестный диалог: «Ты что спрашиваешь, какую она отметка получил? Ее мама кто? Ты забыл ее мама? – Мама? А папа ее дурак был? Да? А тетя кто? А дедушка, а бабушка?» И обязательно мне рассказывают, что мама у меня была «некрасивая, но умная. А что красота? Красота – тьфу, хеч! Главное – умная». А папа –

«красавец города». Что было в этой повторяемости? То, за что Тютчев, петербуржец, любил Москву: «Есть что-то в этом городе совершенно особым образом успокаивающее и умиротворяющее меня. Здесь есть целый круг впечатлений, верно ожидающих меня на своих определенных местах».

Нет, я не знаю, какой двор я люблю больше: московский или тифлисский. В чем-то они похожи. И там, и там дворы дома и школы как будто составляли одно целое. Очень короткая дорога в школу. В Тифлисе она, конечно, особая. На пути (да и в школьном дворе) сидели бабушки и торговали горячей кукурузой, которая плавала в соленой воде, бади-пуди, семечками, пшатами (это такие ягоды, они лопаются, и внутри что-то вроде хлопка), алычой, гранатами, яблоками, айвой. Я так и помню эту свою школу, перемазанную сливами, алычой, горячей соленой кукурузой. Школа в Тифлисе – готическое здание, настоящий замок средневековья, прилепленный прямо к горе, и крохотный дворик. И московский школьный двор, где мы играли в чехарду, в лапту, где была настоящая детская республика и никаких родителей сроду не было. Наши родители в школе почти не появлялись.

А в Тифлисе двор кишел смесью детей и родителей. Мама таскали портфели, мамы сидели у стенок – эти преждевременно состарившиеся, с сухими лицами, армянские, грузинские, азербайджанские мамы с огромными глазами, бледные, с волнением ждали, когда кончится контрольная. И мамы, и дети плакали из-за двойки, тройки и даже – что меня потрясло – четверки. (В Москве считалось хорошим тоном смеяться, даже когда двойку получаешь). А перед контрольными проверялись слова – как пишется «корова», «огурец» – или таблица умножения. Но и в этом дворе мы тоже очень много играли. Не угадаете во что: в ритуальные старинные русские игры. Почему мы, дети юга, да еще в женской гимназии играли в «Бояре, а мы к вам пришли!» – не знаю.

Из Тбилиси Марьяна роща представлялась мне очень романтической: и передний двор, где мы пели на бревнах, и задний, где играли в футбол, а еще двор-садик младенцев и их деревенских девочек-нянек. Они нас обучили очень легкому гаданью на жениха, бросали карты, приговаривая: «На дороге, на пороге, в ресторане, за столом». А еще наш парк ЦДКА, тогда наполовину заросший генеральскими огородами (туда выходила черным ходом генеральская гостиница), где мы воровали капусту, морковь (Бог нас простит, мы были очень голодные в 46-м году). А половина парка была нарядная, с музыкой, киосками, с ресторанной верандой, а главное, с прудом и лодками. В лодках сидели военные с девушками, которые для нас были воплощением мыслимого счастья. Все были с шестимесячными завивками, и каждая держала в руках по две пачки мороженого. Одну они ели, а на другую смотрели.

А мы стояли вокруг пруда и кричали: «Тетенька, покатай!», «Дяденька, покатай!» И нас иногда сажали в лодку.

Для меня город был – Марьяна роща. Кино мы смотрели только в ЦДКА. Или в Останкино. В московском дворе история была ближе. Например, в московском дворе, я, девочка девяти лет, встретив военного с нашивками и колодками, немедленно говорила: «Капитан, орден Отечественной войны 2-й степени, медаль «За взятие...», артиллерия, тяжелое ранение». Это был язык, знакомый даже малому ребенку. Кроме того, это был район пресловутой «черной кошки». Мы в этом очень большое участие принимали. Во-первых, выслеживали какую-то женщину в красном платье – в нашем понятии наводчицу из «черной кошки». А во-вторых, уходя с «елок», под пальтишками прятали свои подарки в глубоком убеждении, что «черная кошка» за ними охотится.

А тифлисский двор как-то соединялся с городом в целом. Каждое городское событие в этом дворе обсуждалось.

Я очень хорошо помню, что на весь наш «отсек» (две галереи друг над другом) было одно радио – у Мосеса-домоуправа. Этот Мосес, красный такой мужчина с лысиной, всегда спускался по лестнице в 8 часов утра (когда уходил «Мацони! Молоко!»). И каждый раз к нему несло: Мосес! Мосес! Москва держится? Он отвечал: «Держится». Это, наверное, была еще одна особенность той дворовой жизни – все, что происходило, связывалось с личностью человека, живущего в этом дворе. Поэтому каждый человек становился необыкновенно значительным. Ведь не думали же всерьез эти люди, включая мою очень образованную тетю, что узнавать об этом надо у Мосеса. Но узнавали именно у него.

Еще помню: в тифлисском дворе у каждого

была своя история, и от этой истории он никуда не мог деться. Время там было только повторяющееся, закрепляющее само себя, но и неотменимое. Бег времени ничего не значил. Моя бабушка была когда-то хозяйкой всего первого этажа, дочерью известного человека, женой трагически погибшего лидера армянского освободительного движения. Сегодня это была слепая и нищая старушка. Но значимо было не то, что она представляла собой сегодня, а то, кем она была вчера. Так ее все и называли – мадам Шарикян. Обращались к ней за всякими советами, хотя ничего значительного в ней самой не было. Образ был закреплён, изменить его было уже невозможно.

В 1949 (или позже) пришел из армии Серож из подвала. Был он там рядовым. Зашел в каждую комнату (двух первых ярусов, конечно) выпить чаю с вареньем. И везде спрашивали почтительно: «Серож, война будет?» Не помню, что он отвечал, но отвечал очень значительно.

В тифлисском дворе было

по-своему натуральное хозяйство. У нас на балконе, например, жил сапожник, и, конечно, все чинили обувь у него. Дальше жила женщина, работающая в магазине, и все к ней ходили за покупками, а если не было денег, брали в долг. Жила красильщица: у нее красили (если не было денег, в долг). Жила портниха – у нее шили. Я думаю, потому и были такими бедными мои соседи по двору, что они, в основном, обслуживали своих же соседей. И денег почти не брали.

Как социальные бури влияли на дворовое общество? Разобщало это людей или, наоборот, сплачивало? Я была очень мала, но поскольку все происходящее затронуло нашу семью очень сильно, а отчасти оттого, что я начала очень рано читать, я как-то краешком осознавала: что-то не так. Тифлис не был на линии фронта. К тому же юг есть юг: зелень, фрукты, овощи растут даже в войну. Но фрукты, овощи хлеба не заменяют. Я помню страшный голод, и этот голод был общим для всех жителей нашего двора, для всей азиатской изнанки нашего квартала. Это были хлебные карточки, нерабочие, то есть полное отсутствие жиров, мяса. Полное отсутствие мыла. Я не могу сказать, что война сплачивала потому, что

сплачивать было уже некуда. А репрессии? Конечно, страх жил. Были во дворе люди, которых боялись. Напротив жил человек, которого все боялись, и говорили, кто он. Когда он проходил, все замолкали, двери закрывались, он проходил, как зачумленный. Но он был один такой человек.

Ну, а в Москве послевоенный голод ударил с большой силой по детям. У нас на ладошках были выведены номера чернилами, это были номера наших очередей. Между нами было нечто, о чем я читала только в литературе о заключенных: дружба, которая заключалась в том, что мы вместе ели. Была такая девочка Галя Петрова. Мы с ней особенно не дружили, она была младше, но мы вместе ели. У нас было место в лопухах (ведь во дворе растительность необычная. Когда становишься взрослым, поднимаешься слишком высоко и не видишь, что это лес, похожий на первобытный). Мы забирались в эти лопухи и каждый приносил свою еду. Она приносила квас в баночке, лук. А я фасоль, иногда – маргарин. Зачем-то это нам надо было, ведь можно было дома съесть. Но мы не доедали дома, чтобы съесть вместе. Это тоже было ритуалом дружбы.

Но что-то было и в москов-

ском дворе, напоминавшее, как ни странно, тифлисский двор. В 46-м году решено было сделать газоны. Двор был страшный, с остатками маскировки, хлама. Управдом был дядя Семен. Землю рыли все вместе. А сеять должен был он. Он ходил и разбрасывал семена. Все сидели и смотрели, а женщины говорили: «Как ты хорошо это делаешь». А он на это отвечал: «По-настоящему это надо делать без штанов». Я тогда этого не поняла, а потом в учебнике по фольклору прочла, что был такой обычай, обряд.

Я говорила, что тифлисский двор расширял жизнь, а не сужал. Как? Очень просто: родные, знакомые, друзья, ученики, пациенты, клиенты каждого впитывались своими мирами в мир каждой семьи. Все мои подруги «жили» на нашем балконе. Когда я спустя годы приехала туда с московской подругой, не то ее поразило, что меня встретили, как родную, а то, что родственным был расспрос о моих школьных подругах... Частные ученики моей тети тоже были как бы детьми всего двора. Когда курдюночка Хатуна поднималась на наш

ярус, ее останавливали соседи и начинали говорить (на трех языках), что она, Хатуна, должна гордиться тем, что с ней занимается такая женщина, которая была отличница, у нее была золотая медаль, она училась в Петербурге, муж был академик (хотя муж академиком не был), которая знает языки, которая сейчас бедная, но раньше была такая-сякая. Что она не должна ее мучить, что она должна хорошо учиться, должна ценить внимание к себе. Хатуна смотрела на всех своими огромными прекрасными глазами и улыбалась. Она была безнадежная ученица. Ничего, кроме «Хатуна», она так и не выговорила по-русски. Был ученик Степка, который очень терзал мою тетю, потом меня, когда я стала с ним заниматься. Однажды его во дворе все поймали, окружили, сильно пристыдили, и это до него дошло. На другой день он объявил, что его папа узнал, как он плохо учится, и «сапсэм хотэл из сэрдца вынуть». «Чуть не убил меня!» – сказал он гордо.

Была ли в тифлисском дворе «стойкая персоналия»? Закрепленные роли: мудрец,

юродивый? Этого слова там не знали, но была, к несчастью, одна сумасшедшая. И, конечно, Главная Бабушка, и «ученый человек», которым все гордились, и непутевая семья, и образцовая. И притча во языцех: «Хорошие люди, но бездетные». Они взяли девочку из детдома, и то – как, откуда, какая способная, балерина – стало легендой двора.

Была и Красавица. Красивых женщин много, но Красавица – это совсем другое. Она была из углового полуподвала, росла с мамой и тетей. Золушка, ждущая принца, ходила в синем, опустив глаза. Сейчас известная актриса. Ну и Мессалина своя была – как без нее: совсем рыжая, с мужским голосом.

...Жив ли тифлисский балкон? Я уже говорила: многое узнаешь, когда приезжаешь, но не все, не все. Разносчиков больше нет: никто не знает, куда делись наши «Мацони! Молоко!» Кто-то застеклил галерею, отделился. Но есть еще и ярусы, и сцена. И так же капает вода из крана...

В Батумском порту

Заур Маргиев

БАТУМСКИЕ МОТИВЫ ЗАУРА МАРГИЕВА

■ Ирина ВЛАДИСЛАВСКАЯ

Батумец Заур Маргиев по образованию филолог, однако, с юности увлекается историей родного края. Таких исследователей в прежние времена называли краеведами-любителями, хотя его собранию может позавидовать солидный научно-исследовательский институт. Его работы собраны на кассетах (60 часов записи), на 300 дисках DVD. Еще сто дисков заполнены литературой о Батуми, его окрестностях, Кавказе. Его фотоархив насчитывает несколько тысяч снимков. Заур Маргиев – автор двух книг «Батум во времена Османской империи», «Батумский бульвар»,

презентация которой с большим успехом состоялась в Национальной библиотеке в Тбилиси. Он снял несколько телевизионных и документальных фильмов. Лучшими друзьями называет маму – Александру Антоновну и супругу Лику. Не имея средств издать свои многочисленные труды, активно использует возможности мировой сети.

«Посмотрите направо – посмотрите налево» – это не про нашего гида. У него экскурсии авторские. Вместе с Зауром продвигаешься по улице со скоростью черепахи, проваливаясь на каждом шагу, как Алиса в «кроличьи норы» – в разные истори-

ческие эпохи. И оказываешься «лицом к лицу» – по мановению голоса гида – то с Ротшильдами, слетевшимися в Батуми на запах нефти, то с вояками Мегрельского мушкетерского полка, повидавшими Аустерлиц и засевшими на зимние квартиры на нынешнем месте отеля «Хилтон». А также – с сановниками, шпионами, купцами, банкирами, революционерами, поэтами, нашедшими вдохновения под меранцевыми деревьями. Как же говорить о Батуми и не упомянуть Есенина, Булгакова, Паустовского?

Но вернемся к экскурсии – рядом с великолепным зданием

первой гимназии, а ныне – университетом, в начале прошлого века находилась тюрьма. История ее, как и многое в Батуми, необычна. Некто Бахметов построил и передал городу тюрьму на 80 «персон», среди которых позднее «засветились» пламенные революционеры – Коба и Камо, а также муж Марины Цветаевой Сергей Эфрон, который сыграл небольшую роль арестанта в дореволюционной кинокартине. В киноархиве в Красногорске сохранился 18-секундный эпизод пленки с изображением Эфрона.

Пока мы любуемся очередным особняком, наш гид призывает сравнить реальность с виртуальными картинками в своем ноутбуке.

– Вот этот особняк на улице Гогебашвили считается первым домом европейского образца в Батуми. Построен он в 50-х годах XIX века, принадлежал Петру Николаевичу Джиудичи – вице-консулу Российской империи в Порте. Сохранились документы, в которых вице-консул писал своему начальству: «Несмотря на уверения турецкого правительства об уничтожении торговыми людьми, торговля молодыми женщинами и мальчиками, по моим расспросам, продолжалась весьма деятельно». Петр Джиудичи являлся также агентом компании «Русское общество пароходства и торговли» и представлял интересы ряда европейских стран в батумском регионе. Открытие Российского дипломатического

представительства в Батуми тех лет, было неслучайно. В 1849 году город впервые получил статус порто-франко. Спустя тридцать лет, когда Батуми принадлежал уже Российской империи, он вновь получил статус порто-франко.

Продвигаемся дальше.

– В этом двухэтажном доме, построенном в 1887 году, находилось Батумское пароходное агентство братьев Паркентонян, – продолжает рассказ Заур, – именно из этого дома уезжали в эмиграцию Ной Жордания и его супруга. В 1921 г. братья Паркентонян также уехали в Марсель, где сумели основать новую пароходную компанию.

Переливается огнями нарядный Приморский бульвар, из ресторанов и кафе льются бесконечные мелодии, в парке выступают фольклорные коллективы, дети грызут кукурузу, бьют струи фонтанов. «Дольче вита» по-батумски очаровывает глаз, дурманит ароматами растений и кафе, плавно движется под вечный гул прильнувшего к городу моря.

– Еще век назад дамы из приличного общества не могли одни появляться на бульваре, – улыбается наш гид.

– Неужели нравы были настолько пуританскими?

– Какой там! Город-то был портовым. Новый Вавилон – половина населения составляли приезжие рабочие, хорошо зарабатывавшие и тратившие деньги в различных заведениях. Есть и такие сведения, что в Батуми в начале прошлого века было: «34 рейнских погребов, 5 буфетов, 38 винных погребов, 10 кафе-ресторанов, 5 оптовых складов вина и спирта, 14 духанов, 34 трактира, 5 гостиниц с ресторанами, 25 пивных лавок, всего 170 торговых заведений». Уточняется, что в пивных идет «торговля совсем иного рода и в каждой из них находятся под видом хозяек или приказчиц 2-3, а то и более женщин».

– Вы рассказали на своем сайте не только о пивных, но и о банях.

– Бани – обязательный эле-

У старого маяка

мент восточной культуры. Нечто вроде городского клуба. Насчет бань сохранилось такое свидетельство: в годы Первой мировой войны в бане «Венеция» находилась конспиративная квартира немецкой разведки. Один из ее агентов, батумский врач И.А. Фабрициус, проживавший по Мариинскому проспекту, № 31 в доме Канделаки (сегодня ул. М.Абашидзе), был пойман в декабре 1914 г. Российской контрразведке не сразу удалось разоблачить «банную деятельность» немецких агентов. Только в октябре 1916 г. Сеид Али Шатир-оглы, агент Турции и владелец бани «Венеция» был арестован, а баню закрыли.

– Парижские тайны отдыхают. Сколько авантюристов причаливало к этим берегам. Наверно, следует вести их перечень с достопочтимых аргонавтов.

– «Золотое руно» – не только классический миф! У меня есть выписки из статей горных инженеров о золотых приисках Кавказа, сделанных во второй половине XIX века. Очень даже перспективная отрасль, – наш гид мгновенно переключается на тему подземных золотых кладовых Кавказа, но тут же добавляет свой обычный рефрен – «почитайте на сайте».

Действительно, чтобы ознакомиться с трудами Заура, нескольких бесед окажется недостаточными. Зайдите на его сайты, почитайте его работы, которые охватывают период от античности до современности – не оторветесь!

– Уже в средние века Батуми стал морскими воротами Кавказа.

Новый памятник на бульваре

– Генуэзцы еще в IX-XII веках владели крымскими берегами и понтийскими провинциями Черного моря. Мне удалось разыскать в газете «Кавказ» за 25 июля 1880 г., № 198, статью «От Кеды до Дандоло». Вот цитата: «На границе Нижней Аджарии и Верхней лежит Дандоло с живописными развалинами замка, стоящего на конусе горы, одетой великолепным еловым лесом. Замок носит название Тамарис Кошки (замок Тамары). Но название деревни скорее обличает итальянское происхождение. Оно напоминает фамилию венецианских дождей из династии Дандоло». Далее автор пишет: «... следует полагать, что деревня Дандоло с ее замком составляла одну из факторий с целью охраны караванов, шедших по Аджарскому ущелью через Поцховское ущелье, далее в Персию». Однако сегодня жители Дандоло происхождения названия своей деревни связывают с конской сбруей, которая изготовлялась местными жителями, – добавляет Заур.

– Сколько раз Батуми переживал строительный бум?

– В первый раз после того, как город освободили от османов в 1878 году и присоединили к Российской империи. Первый пирс, железная дорога, порт, морские пароходства, банки, поток нефти из Баку, доходы от беспошлинной торговли, строительство школ, больниц, церквей – город растет, как на дрожжах. Второй бум связан с желанием экс-президента Грузии Михаила Саакашвили превратить Батуми в суперкурорт. Само по себе это начинание можно только приветствовать. Но, мне кажется, что огромные гостиницы лучше было бы возводить в новой части города вдоль удлиненного на 15 километров бульвара. По-моему, небоскребы плохо вписываются в облик старого города.

– Батуми постоянно отвоевывает сушу у моря. Не опасно на такой почве строить высотные дома?

– Это вопрос к специалистам. Отвечу несколько под другим углом: почему старинные батумские дома не подвержены сырости? Я это выяснил, осмотрев подземелья, оставшиеся от старинных церковных строений. Оказывается, в котлован сначала насыпали глину с песком, а потом уже возводили фундамент, потому-то здания были застрахованы от сырости, – рассказывает Заур.

– Визитная карточка города – бульвар. Расскажите об истории его создания.

– Первым директором бульвара был Михаил де Альфонс. Мне удалось найти его потомков в Тбилиси. Госпожа Ксения де Альфонс любезно передала фотографии, по которым и был отлит памятник основателю бульвара. На открытии памятника присутствовали несколько представителей этой семьи. Де Альфонс стал первым озеленять бульвар и культивировать Зеленый мыс – за 30 лет до приезда в наши края Андрея Николаевича Краснова, основавшего знаменитый Ботанический сад. Нисколько не умаляя заслуг Краснова, все-таки надо признать, что именно де Альфонс привез в Батуми первый чайный куст, что он разбил первый

Памятник Медее

сад вокруг своей дачи на Зеленом мысе. Кстати, при озеленении Батумского бульвара де Альфонс безвинно пострадал. Городская управа не выделила ему обещанные саженцы, тогда он привез их из своего сада. И вот когда забирал назад рассаду, его обвинили в воровстве! Больно смотреть, что в настоящее время могила де Альфонса около его дачи на территории Ботанического сада находится в запустении. Мы много раз указывали на этот факт городским властям, но безрезультатно. Хорошо, если бы сотрудники посольства Франции в Грузии позаботились о сохранении памяти де Альфонса, – добавляет Заур.

– Ваши экскурсии по городу и его окрестностям далеки от желания продемонстрировать потемкинские деревни. Это вызывает раздражение местных властей?

Вместо ответа Заур показывает на дату, выбитую на входе на аллею бульвара.

– Видите цифры: «1881», а надо, чтобы был указан 1884 год. Но власти торопились отметить юбилей закладки бульвара и погрешили против истины. Таких накладок у нас много. И я о них не молчу.

Краевед обеспокоен судьбой некогда роскошных дач на Зеленом мысе, ныне превратившихся в руины. Строили их князь Барятинский, князь Голицын и другие сановники, банкиры и купцы. В годы советской власти в особняках, в основном, размещались дома отдыха силовых структур. А в последние десятилетия они остались бесхозными и были варварски разграблены. Некоторые дачи сейчас скупают олигархи, но тут появилась опасность, что новые хозяева перестроят исторические строения.

– Каждая из дач могла стать музеем, – говорит Заур, показывая попутно снимки из своей коллекции. – Например, дачи Дукмасова на Зеленом мысе. На одной из его дач Ильф и Петров писали

«Двенадцать стульев», второй загородный дом Дугмасова попал в фильм «Двенадцать стульев» – там снимали эпизод, когда герой Этуша вопрошает: «Мусик, где же гусик?», а отец Федор бьется головой о пальму, требуя продать гарнитур.

– Что из реликвий города вам еще удалось отстоять?

– Власти собирались увеличить площадь озера в центре городского парка, что грозило затоплению деревьев, которые высаживали посещавшие Батуми высокие гости. Российский император Александр III и императрица Мария Федоровна, Николай II, государственные деятели, Экзарх Грузии Никон, принц Ольденбургский, король Италии Виктор Эммануил III и многие другие высаживали деревья в Александровском саду. Осталось свидетельство, что Александр III высадил ель, а его супруга – магнолию. Поскольку другой такой пары стоящих рядом деревьев в парке не было, я доказал, что именно эти деревья являются историческими. Они и были сохранены. Кстати, озеро в парке когда-то называлось Нурие гелъ – то есть «Жемчужное». Там вылавливали раковины с жемчугом – когда-то на этом месте была лагуна, куда вполне могли причаливать суда.

– Как сегодня питается водоем? – на короткий вопрос получаю в ответ целую озерную сагу.

– Сегодня озеро питают сточные воды многочисленных канав, стекающих с подножья окрестных гор. Но было время, когда в озеро впадала небольшая речка Ангиса. Она и сегодня протекает под городскими улицами. Один из ее рукавов впадает в озеро, недалеко от бывших ардаганских казарм.

Название района города «Ардаганка» появи-

Набережная — Батумь.
Le Quai — Batoum

№ 10 Батумь. Арба съ апельсиннами изъ Махинджаури.
Environ de Batoum. Makhindjavour.

лось от имени отряда, воевавшего в русско-турецкую войну в городе Ардагане. Позднее, на «Ардаганке» насыпали валы и поставили береговую артиллерию, защищавшую подступы к Батуми с моря. Начальником ардаганского отряда был генерал-майор К.В. Комаров, он же первый губернатор Батумской области.

Местный старожил Виктор Хунцария рассказал мне, что когда-то у самой кромки дороги, проходящей у подножия насыпи, на которой стояла батарея, изпод земли били холодные родниковые ключи.

Сама батарея — это полтора метра бетона над головой и лабиринты казематов. Несколько лет назад я нашел здесь бункеры, в которых хранились боевые артиллерийские снаряды.

Свой рассказ Заур Маргиев подкрепляет демонстрацией фотографий и старинных карт местности. По ходу историк поясняет, как морской прибой и река Чорох видоизменяли ландшафт. Например, протекала по местности речка Сираз, на более поздних картах уже обозначено озеро под таким названием. Озеро Сираз расположено за стеной океанариума.

— Одна из отличительных черт ваших экскурсий — пройти непохожими тропами.

— Один из самых моих любимых маршрутов пролегает в труднодоступное Мачахельское ущелье. За триста лет османского господства жители ущелья так

и не покорились завоевателям. Турки не просто разрушали там церкви, но еще и камни вывозили, чтобы ничего не напоминало людям о христианской вере. Сегодня в Мачахела, в бывшей мечети, находится краеведческий музей. Местная учительница Лейла рассказала, как народ хранил три века память о Мамуке Дзnelадзе, которому отрубили голову за отказ принять ислам. Турки не рисковали приезжать в ущелье, и направляли туда управленцев из числа аджарцев. Воинственные мачахельцы убивали предателей, а их вырезанные сердца вешали на ограду церкви. Деревня, где находится такая церковь, называется Гулеби. В деревне живет семья, которая хранит святую реликвию — «кольцо Мевлуда». История их предка — непокорного горца-мстителя, которому принадлежал серебряный перстень, перекликается с сюжетом фильма «Пять тысяч за голову Мевлуда». Жители Мачахельского ущелья в XIX веке изготавливали нарезные ружья, которые ценились даже в Англии. Высоко в горах горцы умудрялись делать виноградное вино, его хранили в сохранившихся до сих пор каменных резервуарах.

— Что побудило вас написать книгу «Батум во времена Османской империи»?

— В этой работе я попытался рассказать об одном из малоисследованных моментов исторического прошлого Батуми. Для большей объективности я

стремился приводить различные источники по одному и тому же вопросу. В работе дано множество ссылок и примечаний. Они помогут читателю лучше понять суть событий. В истории Грузии и Турции было много войн, конфликтов. Кроме того, между соседними странами стояла Россия со своими интересами на Кавказе. Сегодня, наверно, наступил уже тот момент, когда мы можем со стороны взглянуть на нашу общую историю объективно, взвешенно и без эмоций. Наша обязанность донести ее без искажений до будущих поколений. Именно эту задачу я и ставил перед собой.

— Вы собрали ценный материал о правлении турок после оккупации 1918 года.

— Турки ввели свои порядки, упростив до крайности российскую бюрократию. Например, когда ощущался недостаток в обращении лир в мелких купюрах, турки разрезали бумажные деньги пополам, скрепляли каждую половину банковскими метками и пускали в оборот. Турки пресекали воровство. Пойманных преступников укладывали на пол и били по заду здоровенными палками. Распространено было наказание 31 ударом палки или как хорошо помнят батумцы по-турецки — «отуз-бир». Был такой случай. Наказывали вора, укравшего у женщины ковер. Во время экзекуции потерпевшая пожалела преступника и попросила полицейских прервать наказа-

ние. Ее просьба была исполнена. Вора отпустили, но недополученные удары точно отсчитали его доброй защитнице.

– В Батуми жили представители 82 национальностей. Кто стал для вас символом интернационального города?

– Пожалуй, китаец Лау Джон Джао – или как его называл весь город – Иван Иванович. Он поднял чайное дело в наших краях, привез в Аджарию бумажное дерево, китайский лен, сахарный бамбук, лаковое дерево и другие ценные породы растений. За свои труды он был награжден орденами до революции и при советской власти. На склоне лет Лау вернулся на родину, но история получила продолжение: его внучка Лю вышла замуж за Гиви Кандарели – художника, основоположника грузинской школы гобелена. Я снял фильм «Вторая родина китаецца Лау» – история чайного дела и китайцев в Российской империи и Аджарии. На кинофестивале «Тбилисские зори» (2003 г.) фильм получил номинацию за «Лучший научно-популярный фильм».

– К вам часто обращаются с просьбами сообщить, что и где находилось в старом городе?

– Расследование – это кропотливый труд в архиве, изучение подшивок газет и журналов, иногда помогают определить местонахождение фирмы или миссии, найденные письма или почтовые марки. Недавно удалось установить, по какому адресу находилось до Второй мировой войны консульство Германии. Представляете, консульство было закрыто – 22 июня 1941 года. А всего в Батуми в те годы находились дипломатические миссии 17 стран.

– Из новейшей истории города – фонтан «Нептун» точная копия фонтана из Болоньи. На бульваре вокруг фонтанов на высоких колоннах расставлены пастушки с музыкальными инструментами. Откуда они взялись?

– Местные «ребята». Первый пастушок со свирелью украшал дом провизора Акиняна. На

бульваре вы видите его слепок и вариации на тему – пасторальные музыканты с разными инструментами.

– Что из новостроек вас привлекает?

– В Махинджаури построена маленькая церковь. Каждый камень в кладке своими руками отшлифовал Шахро Буава, изгнанный из родного Очамчире, вынужденный переселенец. Во время военного конфликта у него погиб сын. В память о нем Шахро поставил церковь.

– Поделитесь вашими планами, какие у вас проекты?

– Идей много – нет финансов. Столько собралось материала, что хватит на несколько документальных фильмов и книг по истории Батуми и по Кавказу. Хотелось бы показать те места, которые посещали Афанасий Никитин, Марко Поло, Дюбуа де Монпере, А.Дюма, А.Пушкин, академик Н.Март, императоры и десятки малоизвестных авторов, чьи путевые заметки, научные работы, частная переписка, воспоминания не известны общественности. Хотелось бы рассказать о дипломатических миссиях Батуми, о нефтедобытчиках – торговых домах Ротшильда, Манташева, «Стандарт Ойл», «Шелл». Десятки тем, они перечислены на моем сайте, представляют интерес для совместных проектов – книг и документальных фильмов.

– О чем вы мечтаете как исследователь?

– Было бы целесообразно открыть в Батуми выставку исторического прошлого города, используя архивы разных стран, чье присутствие влияло на экономическое и культурное развитие региона.

Множество интереснейших документов находятся в архивах Трабзона и Стамбула. В Вашингтоне в Библиотеке Конгресса имеются отчеты американских

На перекрестке

консулов, которые отсылались из Батуми с 1880 года. В Гарварде – документы первого независимого правительства Грузии. С учетом ситуации сегодняшнего дня эта информация может стать как никогда актуальной, помочь популяризации нашего города. А сколько тайн хранят архивы самого Батуми! К сожалению, даже до батумских архивов добраться стало большой проблемой. Но я продолжаю поиски, чтобы не упустить время и не утратить то, что может быть утерянным навсегда.

Близкий друг историка-краеведа пошутил, что если Заур возьмется за поиск, он даже могилу царицы Тамар отыщет.

Заур отреагировал мгновенно: «У меня есть свои соображения по этому поводу, которые хорошо бы проверить!»

Исследования и фильмы Заура Маргиева доступны на сайтах:

<http://zaurmargiev.sitcity.ru>

<http://www.hrono.info/statii/2009/margiev6abh.php>

<http://viperson.ru/wind.php?ID=601636>

<http://www.youtube.com/user/zaur064?feature=mhe>

РАССВЕТ ЦВЕТА ОХРЫ

«Эта дорога ведет в Манглиси!»

■ Анаида ГАЛУСТЯН

Несколько лет тому назад мне бы и в голову не пришло задержаться в маленьком провинциальном городке дольше двух дней, да еще с удовольствием. Всегда считала себя типичным городским жителем, и без шума-гама, запаха бензина и сутолоки – никак. Но, видимо, разные обстоятельства несколько вывели из равновесия, а может, с высоты добавившихся лет жизнь показалась не такой уж бесконечной, слишком быстротечной и захотелось замедлить шаг, оглянуться вокруг, запечатлеть в памяти увиденное, каждую мелочь, подышать свежим воздухом, услышать себя... Одним словом, я рада, что однажды летом по воле судьбы меня выбросило на природу, и я оказалась в совершенно другом мире, первый раз в жизни окунувшись в деревенскую жизнь, далекую от изнеженности и привычного комфорта, и это общение с природой и простыми деревенскими жителями придало мне сил, успокоило, окрылило и стало казаться, что для меня открылась какая-то тайна бытия...

Все началось с того, что сосед пригласил нас с семьей прокатиться в Манглиси, где у него дача, которую он обожает и восторженно и долго может о ней рассказывать. Ну, мы и поехали. Был солнечный день, вертлявая дорога поднималась все выше и выше, стало закладывать в ушах, как в самолете, а глаз радовался бесконечным просторам сочно-зеленого цвета и фантастическим пейзажам, кажущимся рисунками. Радовала и

хорошая, заасфальтированная трасса, благодаря чему через 50 минут оказались в Манглиси. Соседу хотелось показать нам все достопримечательности: и жизнерадостные полянки с ромашками и маками, и сосновые рощи, и крутые дачи. Дома были добротны, с красивым дизайном, разноцветными покрытиями крыш, причудливыми балконами – все правильно, стандартно, как и должно быть у «новых». Домики простых манглисцев были обычными, и я уже начала скучать, когда мы отправились по длинной улице смотреть старинную церковь. И тут я обратила внимание на старые домишки причудливых форм с черепичными крышами, расположившиеся вдоль дороги, но как-то в глубине, в зелени, как грибочки. Не дома, а настоящие избы с резными балкончиками и фасадами, и это меня по-настоящему впечатлило. Еще больше удивило, что все их жители – русские и украинцы. Избы действительно оказались настоящими, бревенчатыми, с печами, банями и ухоженными дворами, за которыми простиралось бескрайнее, душистое поле, река и горы. А место это называется – Старый Манглиси и имеет совершенно потрясающую историю, как и старинная церковь, расположенная напротив домов. С этого места и начинается история Манглиси.

Мы решили снять один из таких домиков с огромным, раскидистым старичком ясенем во дворе, и я, как любительница старины, окунувшись в далекие времена, в IV век, когда поселок вхо-

дил в состав княжества Картли, а от мусульманских захватчиков не было покоя. Местное население истребляли, угоняли в плен с громкими криками: «Гет, гет!» через холодную и бурную реку, получившую название Алгети, или как ее сейчас называют, Алгетка. Чтобы спастись, люди рыли туннели, где и скрывались во время очередного набега. Говорят, они сохранились по сей день под Старым Манглиси. Однажды один из них раскопал... бычок! Стоял долго на одном месте и упорно копал, копал... Сбежались люди и стали помогать «археологу». Увидев нечто похожее на туннель, вызвали профессионалов, обнаруживших еще и кувшин высотой с человека, на дне которого сохранились кусочки мяса, вернее, того, что от него осталось...

Турки набегали, как саранча, истребляя все и всех на своем

и изгнаны. Однако остановить их было сложно, и набеги продолжались. В 1795 году после нашествия Ага-Мохаммед хана все опустело, население истребили или угнали в плен. Чтобы спасти эти земли от колонизации в Манглиси был дислоцирован 13-ый лейб-гренадерский Его Величества полк – старейший и наиболее титулованный полк русской армии.

Вот мои милые соседи и оказались потомками этих самых храбрых военных и старались наперебой рассказать мне все, что слышали от своих дедов и прадедов. Эти вечерние посиделки доставили мне немало удовольствия.

В Манглиси в советское время располагалась военная часть и казармы. Кстати, здесь служил Иосиф Кобзон, о чем манглисцы любят рассказывать. На сегодняшний день от военной части

вала тетя Мария. Жили дружно и весело, по вечерам звучали песни и гармошка, люди собирались, пели, плясали... Попадали мне и о священной горе, называемой «Каменная невеста». На самом деле, это целый мегалитический комплекс (груда камней) на склоне Триалетского хребта – остатки древних сооружений, предположительно, недостроенной христианской базилики. Существует легенда о том, как манглисская девушка, спасаясь от турок, пытавшихся ее похитить, обратилась к Богу с просьбой превратить ее в камень. Так и случилось. Этот камень существует по сей день. Раньше на эту гору, к камню, шли с разными просьбами, например, в засуху просили дождя. Шли пешком всей деревней, со священником во главе шествия. Нужно было сдвинуть камень с места, и в этот день обязательно шел дождь. Вот такие чудеса... Наш дом тоже принадлежал Петру Клименко, но часть дома тетя Мария поделила с нашими добрыми хозяевами – Гурамом и Этери. «Я из другой деревни, мы мтиульцы, вышла замуж в Манглиси, у мужа русское образование, соседи все – русские, вот я и выучила первым делом русский язык», – ответила на мое удивление Этери на чистом русском. И Гурам говорил грамотно и без акцента. Да и вообще с тех давних пор все изменилось, население многонациональное, многоязычное и дружное. Люди спокойно, просто и душевно общаются, как когда-то в Старом Тбилиси.

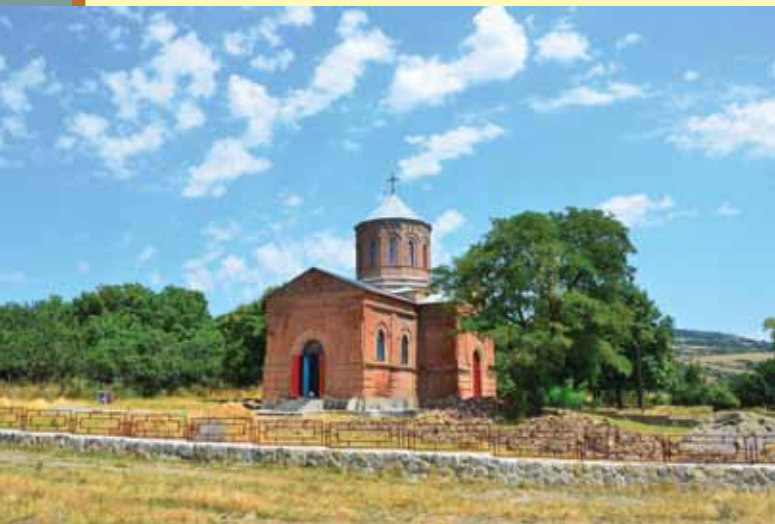
Поначалу все время хотелось спать, видимо, это была реакция изумленного организма на чистый воздух, а проще, акклиматизация. Ведь раньше, в советские времена, благодаря умеренному мягкому климату здесь был создан горноклиматический курорт с санаториями и пионерскими лагерями. Поэтому задышалось и зажило в другом ритме – просыпалась с рассветом, когда небо необыкновенного цвета охры, ждала

Старый дом в Буденовне

пути и чувствовали себя в Манглиси как дома. Здесь сохранились и руины мечети со старым мусульманским кладбищем, а место по сей день называют Мечетка. Недалеко от Манглиси находится Дидгори, где в 1121 году произошла знаменитая Дидгорская битва, во время которой турки были побиты

остались лишь воспоминания. Русские военные укоренились в Манглиси, домой ездили лишь за невестами. Мои соседи, Клименко, смеясь, вспоминали рассказы дедов. «Приехали три брата-украинца – Клименко, от которых пошел наш род. Скоро половина старого Манглиси были Клименко!», – рассказы-

Обновленная церковь

в поле, похожем на полотна импрессионистов, когда выплеснется солнце, разольется по горам, и мир оживет, а с закатом – клевала носом. Часто засыпала под звуки фортепиано, потому что рядом в доме жил чудесный сосед – композитор Отар Татишвили, и там рождалась Музыка. И вообще, сбавив темп, начинаешь замечать каждую мелочь, завтракать, обедать и ужинать под звон колоколов, невольно вспомнив о молитве. А ведь в старину никто не принимался за еду, не поблагодарив Господа за хлеб насущный.

История древней манглисской церкви Богородицы затерялась в веках и предположительно начинается с IV века во времена правления царя Мириана. Говорят, что поначалу это была церквушка, спрятанная в лесу, но с тех пор она претерпела реконструкции и реставрации. Некоторые части храма относятся к VII веку, вся восточная часть, притворы и облицовка стен с разнообразными резными украшениями датируются XI веком. В 1002 году здание было основательно перестроено. В 1852 году памятник отремонтировали. Сохранилась надпись над входом во двор церкви: «Колокольня сооружена в 1862 г. под руководством прапорщика Пономарева, трудами чинов Лейб-Гренадерского Эриванского Его Величества полка при содействии Командира полка Генерал-Майора Князя Голицина». Есть надписи и на стене церкви, где отмечаются труды поручика С.Сливицкого. Во дворе церкви старинные могилы князей и княгинь, военных. Уникальные фрески датируются XI веком и сохранились лишь на куполе, а стены покрыты толстым слоем известки, что вызывает сожаление. И тем не менее, у церкви необыкновенная аура, хотелось прийти сюда еще и еще раз, сидеть возле уникальных икон или во дворе, слушать службы отца Георгия, очень простого, скромного, одухотворенного человека, служившего с каким-то особым вдохновением. Рано утром и по вечерам после службы он занимался строительством небольшого домика недалеко от нашей дачи, и я могла

наблюдать за этим трудолюбивым, худощавым человеком, строившим дом своими руками...

Там у всех все своими руками. Это я отдыхала, а у местных жителей на отдых не было времени: вставали ни свет ни заря и расходились по своим делам – кто в поле, кто в горы живность пасти, кто копать, кто косить – работы хватало. Пропоешь лето красное – зимой останешься голодным. Я могла часами наблюдать за работой косарей в огромном поле за домом. Работали и молодые, и старики с утра и до заката. К вечеру устало брели домой, но никто не жаловался. Это был их хлеб, правильный и поэтому – вкусный. И вся их жизнь, тяжелая, трудовая, но в гармонии с природой, казалась мне очень правильной и спокойной. Они

жили так, как это было задумано изначально...

Очень скоро один за другим выросли душистые стога, и огромное поле стало горбатым. Можно было зарыться в душистый стог и смотреть вдаль, ждать или провожать солнце, слушать дождь, следить, как надвигается густой туман, чувствовать его запах, или наблюдать за облаками и полетом крикливых ласточек, миниатюрных перепелок и работой трудолюбивых пчел. Казалось, что все это какие-то счастливые рисунки невидимого художника. Утреннее небо походило на рисунок акварелью, послеполуденное, как sand art или просто пустой холст, покрашенный ярко-голубой краской, вечернее же было написано густым, насыщенным маслом. А вокруг – лес и веселая, бежавшая вприпрыжку Алгетка. Деревья перешептывались с речкой, кивали ветки, разбегались солнечные зайчики, колдовал ветер. Можно было усесться на камень под невысоким, но мощным водопадом и наблюдать за рыбешками, весело выпрыгивавшими из воды. Вот такой естественный spa-салон, в котором удовольствие не зависело от времени. Какое это счастье, когда кожа пахнет солнцем, на душе свет и покой и кажется, что разгадала все тайны мироздания.

Обелиск жертвам Второй мировой войны на Большой поляне в Манглиси

Наконец, я нашла ту тишину, когда слышно только себя, и открыла нехитрые радости жизни. Научилась, пусть на время, жить, не дергаясь, не суетясь, а наслаждаясь каждым днем, так тесно пообщалась с природой и поняла, что в ней все то, что я так ценю: открытость, щедрость и искренность. А благодаря моим добрым Клименко стала отличать зверобой от душицы, собрала целебные травы, растущие прямо под ногами, полюбила ароматный чай из них, увидела, как собирают мед, грибы, узнала, что такое баня, натопленная дровами, перестала бояться разной живности, спокойно прогуливавшейся по полю. Когда в первый день мне навстречу направился бычок, качаясь, как в детском стишке, я не знала, куда бежать: вокруг поле, ни дерева, ни забора, ни моего пса, обезумевшего от счастья и носящегося по просторам. Пришлось остановиться и молиться. А он подошел и подставил мне свою теплую, шершавую голову, и я его просто погладила. Так что, никакой корриды не случилось. Перестали пугать и лошади. Кстати, туристы из разных стран брали их напрокат и совершали экскурсии верхом по всем долинам и возгорьям, фотографировали местные красоты и возвращались довольные, загоревшие и счастливые. Подружились мы и с кузнечиками, которые раньше приводили в ужас. А потом я внимательно разглядела это странное существо, усевшееся мне на ногу и походившее на йога, и успокоилась. На фоне такой мудрой природы, наивной живности кажешься себе какой-то неправильной и хочется стать лучше, что-то изменить к лучшему. Оказывается, какое оно простое – счастье, какое безмятежное, в каких простых вещах прячется, и стало понятно, что к природе, как к Богу, приходишь с годами.

Обратный путь был странным, в пасмурный и туманный день, дорога едва угадывалась, как и силуэты деревьев, домов, людей – весь мир стал черно-белым. Неожиданно резкость изменилась, мир приобрел краски, и я увидела огромный куст

Памятник героям Великой Отечественной войны в Буденовке

Поилка для коней. 1925 г.

шиповника с крупными, как бусы, багровыми плодами, достававший ветками до машины. Может, он прощался, а может, хотел остановить, вернуть в полюбившийся Старый Манглиси, к моим добрым, грустившим Клименко, бескрайнему полю, пушистому лесу, к которому уже подкралась осень... Кто знает...

София Ломджария

Видеть достоинства

Одна из самых тонких, пронзительных, изысканных актрис София Ломджария выходит на сцену Грибоедовского театра почти 10 лет. Срок не велик и не мал, а вот список ролей, сыгранных ею за эти годы, внушает уважение и интерес. Автандил Варсимашвили увидел ее булгаковской Геллой, Вязопурихой в «Холстомере» и Царевной-Лебедь в «Сказке о царе Салтане». Гоги Маргвелашвили предложил сыграть Нину в «Старшем сыне» А.Вампилова. Андро Енукидзе вывел на сцену в образах Насти в спектакле «Достоевский. ru» и Лауры в «Дон Гуане». А Вахтанг Николава доверил роль Катерины в «Грозе»...

Это то, что знает о ней любящий зритель. Но кое-что зрителю неизвестно.

София прекрасная мама двоих замечательных детей. И это никак не мешает ей оставаться одной из самых обязательных и дисциплинированных актрис театра.

Она (как это мало свойственно актрисам!) удивительно не-

«Зимняя сказка»

«Старший сын»

конфликтный и миролюбивый человек. Может быть, потому что она стремится видеть в людях их достоинства, а не недостатки?

Она совершенно не боится выглядеть на сцене некрасивой. И потому с легкостью может сыграть не только сказочную красавицу, но и самую настоящую Кикимору.

Она способна работать, преодолевая боль и болезнь, и это не метафора. На спектакле «Алые паруса» София получила серьезную травму, а во время репетиций «Мастера и Маргариты» заболела тяжелой формой гриппа. И все-таки оставалась в строю, продолжала репетировать и играть. Скажете, так нельзя относиться к своему здоровью? Но это не отношение к здоровью, это ее отношение к работе.

Кто знает, что нас ждет в будущем? Но уже сейчас мы знаем наверняка, что София Ломджария положила начало собственной актерской династии. В спектакле «Нахлебник» с детским очарованием и непосредственностью играет ее дочка Барбаре – маленькая актриса Грибоедовского театра.

Тбилисский государственный академический русский драматический театр им. А.С. Грибоедова и Международный культурно-просветительский Союз «Русский клуб» поздравляют Софию Ломджария с юбилеем и желают всего самого наилучшего!

Взгляд со стороны

■ Редколлегия «ДН»

Дорогие друзья! Вышел в электронном виде восьмой номер журнала «Дружба народов» на нашем сайте <http://дружбанародов.com>. Весь наш августовский номер посвящен грузинской литературе. Грузия всегда была в центре внимания «Дружбы народов».

Читатели помнят знаковые публикации Чабуа Амирэджиби, Отара Чиладзе, Нодара Думбадзе и других выдающихся мастеров. Но весь журнал представлялся грузинским коллегам лишь однажды, одиннадцать лет назад («ДН», № 3, 2004). Первый спецвыпуск был инициирован редколлегией и поддержан Обществом грузин в России. На этот раз инициатором выступило Агентство по печати и средствам массовых коммуникаций при Правительстве Российской Федерации. Издание входит в программу Года литературы. В минувшем году Агентство поддержало издание нашего сборника современного грузинского рассказа «За хребтом Кавказа». Обе инициативы направлены на возрождение культурных контактов между двумя странами, на смягчение конфронтационного климата.

Однако годы разрыва не могли не отразиться на нашей работе.

В частности, так и не удалось сколь-нибудь полно представить поэтов нового поколения. За этим фактом видится не только политическое охлаждение, но и оскудение переводческой жилы. Отсутствие молодых призваны возместить главы из поэмы маститого Дато Маградзе и острое, как социальный памфлет, стихотворение поэта из поколения 40-летних Звиада Ратиани.

Украшением номера стали шедевры поэтов предыдущих поколений из нашего проекта «Золотые страницы "ДН"».

Проза представлена романом Гурама Одишария «Очкастая бомба».

Писатель сумел до боли осязаемо донести подробности грузино-абхазской трагедии: ма-

Александр Эбаноидзе

ленькое кладбище возле госпиталя с могилками для фрагментов человеческих тел; тела двух пассажиров сгоревшего самолета, сплавленные в одно; рев митингующей толпы, так и не понявшей, что «любой митинг всегда один и тот же митинг»...

Неожиданны коллизии в рассказе Беки Курхули о грузинских подразделениях миротворцев ООН на земле Афганистана. Своеобразно свидетельствует о времени социального обвала саркастический абсурд новелл Ираклия Ломоури. Патриархальную Грузию, втянутую в водоворот новых реалий, видим в печальной истории, рассказанной Бесо Соломонашвили, и в поэтичном «ретро» Нугзара Шатаидзе.

«ДН» вводит в круг обсуждения русскоязычной читательской аудитории работу крупнейшего грузинского писателя XX века Григола Робакидзе — его знаменитое эссе о Сталине.

О месте Грузии между Востоком и Западом размышляет в своем эссе социопсихолог Георгий Нижарадзе.

Тенденции и перспективы текущего политического процесса в этом номере рассматривает не профессиональный политолог, а ученый-биофизик Георгий Лорт-

кипанидзе. Его анализ показывает, как продуктивен порой взгляд со стороны.

Взгляд со стороны стал новацией всего номера: по нашей просьбе литераторы, связанные с Грузией, поделились своими впечатлениями и воспоминаниями: раздел «Сны о Грузии» представляет читателю «Грузию грез, щедрую как пир, и Грузию горя, горькую как похмелье».

Неизменным остается «талант жизни и талант незаконной радости», присущий этой стране, который призван помочь Грузии преодолеть все невзгоды.

Арсен Еремян

ЕГО БУДЕТ ОЧЕНЬ НЕ ХВАТАТЬ

Журналистика Грузии потеряла еще одного большого профессионала и хорошего человека – ушел из жизни Арсен Еремян. Человек огромной эрудиции, филолог, поэт, прозаик, блестящий редактор он был связующим звеном между несколькими поколениями товарищей по перу. А в «Русском клубе» – старшим другом и для работников редакции, и для многочисленных авторов, которые шли к нему практически нескончаемым потоком. И всем им он отдавал частичку своей души, своего мастерства.

В его журнальных очерках и зарисовках остались славные эпохи в культуре, спорте, истории Грузии. Публикаций на эти темы, которые были в каждом номере журнала, читатели ждали с нетерпением. Благодаря Арсену Левоновичу, герои этих материалов – спортсмены, лите-

раторы, ветераны войны и спорта – стали друзьями редакции.

Арсик, как называли его близкие друзья, окончил филологический факультет Тбилисского государственного университета имени Иванэ Джавахишвили и работал в редакциях газет «Вечерний Тбилиси», «Заря Востока» («Свободная Грузия»), «Грузия-спектр», в последние годы был заместителем главного редактора нашего журнала. Его сборники стихотворений, рассказов и очерков изданы в Тбилиси и Москве на русском и грузинском языках – «Семнадцать весен Майи», «Гром победы», «Автограф», «Робинзоны в городе», «22 июня», «Высота»... Последняя большая работа Арсена Еремяна – книга «Позови меня как сына» – посвящена обмену духовными ценностями грузинского и армянского народов, сохранению и дальнейшему раз-

витию культурных и общественно-политических связей между двумя братскими странами.

Даже уже будучи тяжело больным, Арсен Левонович продолжал жить жизнью «Русского клуба», дома работал над материалами, консультировал авторов. Последние слова члена Союза писателей Грузии, заслуженного журналиста Грузии были о том, как идет работа над очередным номером журнала... Его будет очень не хватать не только коллегам, но и многим, очень многим людям, с которым его свела долгая и плодотворная творческая жизнь.

Международный культурно-просветительский Союз «Русский клуб» и коллектив журнала «Русский клуб» выражают искренние соболезнования семье Арсена Еремяна.

ქინძმარაული მარანი

KINDZMARAULI MARANI

KVARELI DISTRICT, VILLAGE GAVAZI, KAKHETI, GEORGIA

Tel./Fax: +995 (32) 36 18 50

Mob.: +995 (99) 54 00 18

E-mail: info@kmwine.ge ; km.wine@hotmail.com

www.kmwine.ge

ГОРОДА РОССИИ

БОГДАН ПАВЛОВИЧ ВИЛЛЕВАЛЬДЕ
«ОТКРЫТИЕ ПАМЯТНИКА „ТЫСЯЧЕЛЕНИЕ РОССИИ“
В НОВГОРОДЕ В 1862 ГОДУ». 1864. ФРАГМЕНТ.

